

Н.В. ЗАХАРОВ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

КНИГА СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Смутные времена. Книга 7

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Смутные времена. Книга 7 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Как это не прискорбно осознавать, но вся История России — Смутные времена. Из тьмы веков и до дня нынешнего. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми совершенно случайны. Продолжение Жуликов и Авантюристов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Глава 1

А те, за кого они будут пить летом, в январе 1942-го, отправились из Петьково, в сторону Можайска. Оставался вопрос не закрытый с Хрюкиным. "Трояны" докладывали, что Артур Макарович обосновался в деревушке Захнево и закосив там под контуженного дурачка, прижился в банке сердобольного местного жителя. Сидит безвылазно.

– Поехали в Захнево, – предложил Михаил Сергею.

– Поехали. На чем? Верку с Леркой свистнем?

– А почему бы и нет? Два офицера на лошадях – нормально. Не ловить же попутки? А может, танк сюда выдернем? Заодно слегка тут повоюем, – Михаил потер ладони.

– Хватит, Миха, воевать за других. Мне кажется, что и в октябре мы тут напрасно засветились. Толку ноль. Всех, кого мы тормознули тогда и считай дивизию сколотили, эти мудаки в барашковых папах, тут же под гусеницы немецких танков положили. Шапки бараньи и головы тоже. Не останови мы мужиков, так они ведь мелкими группами добежали бы до самой Москвы, глядишь, и живы бы остались. А так... Раскатали их траками, в один день. Ты веришь, у меня кулаки чесались, проехать по тылам нашим же и передавить там все штабы к чертовой матери, вместе с маршалами этими шизанутыми. Пользу бы принес Родине гораздо большую этим, чем несколькими днями боев у Колоцкого монастыря. Силиверстович с Павловичем еле отговорили. Знаешь, такое складывается впечатление, что войну мы выиграли вопреки этим говнюкам. И если армиями бы командовали не эти гниды, то она закончилась бы на пару лет раньше. Никогда, ни в одной войне Россия не побеждала с такими потерями по отношению к интервентам. Всегда был счет в нашу пользу по погибшим. И ведь что обидно-то... Если бы армия действительно была плохо вооружена... Сволочи звездастые.

– Не все. Были и настоящие люди, которые, сначала думали о стране, а потом о себе. Вот они-то и командовали... Вопреки... По штабам, говоришь, прокатиться хотелось? Без тебя скоро Иосиф Виссарионович так прокатится, что начнут командовать, как миленькие. На него потом, правда, лет пятьдесят все валить будут и врать, что у нас танков в начале войны меньше, чем у немцев было. А что им оставалось делать? Правду рассказать? Так их бы за такую правду бабы русские, взбунтовавшись, порвали бы в клочья. А так вон памятники конные им стоят. Кого ни возьми. Но и умирали все по-скотски. Возьми хоть Жукова. В коме месяц валялся, пока Господь прибрал, а перед этим пять лет паралича. Им колья осинового через одного нужно было вбивать, чтобы души их черные из тел их гнилых выползти могли. Мы им, конечно, не Судьи, но и без нас есть кому Судить, так что оставь Ему это. Жаль, конечно, что столько народу угробили, не за понюх табаку, но судьбы народов, как и судьбы отдельных людей, самими же народами избираются. Наш, себе такую кровавую избрал.

– Да кто же его спросил? Погнали на убой, как скот.

– Ошибаешься. Выбор был предоставлен каждому. И каждый выбрал, а в результате мы получили, то, что получили.

Народ в какой-то момент, перестал быть народом. Забыл себя. Стал скотом. Вот и погнали его, в забыты, как скот.

Так что, танк или лошади?

– В танке, конечно, комфортнее, а с лошадьми веселее, – Сергей полез в карман и достал монету. – Орел – танк, решка – лошади, – швырнув монету вверх, он промахнулся, пытаясь ее поймать, и она упала в сугроб, пробив в нем щель.

– Вот блин, похоже, что ребром вниз зависла, – Сергей начал разгребать снег и, добравшись до монеты, сплюнул: – Точно. Что делать?

– Примем среднеарифметическое решение – я на танке, ты на лошади, – предложил Михаил.

– Да ну тебя. Бросаю еще раз,– Сергей опять подбросил монетку и на этот раз поймав, шлепнул ее на запястье левой руки,– Орел. Танк, значит. Свастикку не забудь изобразить, я звезду и надпись "За Родину" стирать не стал.

– Лень что ли было?

– Некогда, к тебе спешил.

– Ну да, вдруг бы опоздал,– Михаил огляделся по сторонам. Они уже вышли из деревни, и она темнела черными стенами изб из завалов снежных, дымя в лунном свете десятками труб. Танк появился на околице, выкрашенный в серо-белесые пятна, с синюшными оттенками и на фоне снега выглядел призрачно. Добавив на башню крест, Михаил вскочил на гусеницу и полез в люк: – Чего хлеборезкой щелкаешь?– спросил он у Сергея. – Нырять на место механика.

– Я не щелкаю, я думаю. Может, все же лучше Верку с Леркой было вызвать? Они, в отличие от этого монстра, сами знают куда скакать. А этим рулить нужно. А?

– Б. Проехали. Жребий брошен, как Гай Юлий Цезарь любил говаривать,– откликнулся Михаил сверху.

– Нашел, кого вспомнить, в рот ему компот,– пробурчал Сергей, ныряя в люк механика-водителя.

Час спустя танк уже скрежетал гусеницами в сторону Рузы, прижимая к обочинам редкий в ночное время автотранспорт. Гремел фронт на востоке совсем близко, глухо ворочаясь в морозном воздухе, звуки падали на пределе слуха пока, доносясь отголосками ночных бомбежек и минометных обстрелов, по заранее пристрелянным площадям.

Двигатель танка урчал едва слышно и Сергей, сидящий за пультом управления, начавший дремать, предложил остановиться на привал и до утра покемарить.

– Загоняй в лес,– согласился с ним Михаил, у которого от мерного покачивания салона, глаза тоже начали слипаться.

Выбрав первую же встречную проплешину, Сергей резко свернул влево и вломился в мелкий еловый подлесок, торчащий едва верхушками из сугробов. Танк, не снижая скорости, проломил метров пятьдесят и, остановившись, медленно вполз в снежную гору, которую взгромоздил впереди себя, замаскировавшись в ней, таким образом, совершенно. А еще через час, северный ветер с воем припорошил следы траков, и выпрямившиеся сосенки снова облепило снегом.

Утро хмурое высветило дорогу на Рузу, совершенно не пригодную для передвижения, какого либо транспорта, кроме танков и привыкшие уже к русским зимним сюрпризам немецкие дорожные службы, именно их и запустили с обеих сторон, использовав трофейные КВ, с нацепленными на них бульдозерными ножами. Эти пару десятков километров стали своеобразной дорогой жизни, по которой в дневное время можно было перебросить с одного фланга на другой группы армий "Центр", материально-технические грузы, а также вывезти в Можайск к железной дороге раненых и обмороженных. Дорожники прилагали, просто героические усилия и каждому солдату здесь можно было выдавать крест за доблесть и самоотверженность, но крестов железных на всех не хватало, зато деревянных, березовых могло хватить на весь Вермахт. Просторы российские, пугающие масштабами своими, вгоняли в уныние немецкое командование, и армия продолжала воевать здесь по инерции, мечтая о том, как бы унести отсюда ноги. Из этого Ада. Немецкие солдаты, поняли что Ад – это не жуткая жара – а жуткий холод и Он не в загробном мире, а в этом – в России. Зачем ТАКОЕ пространство Германии они не могли понять и, выплевывая вместе с кашлем куски обмороженных легких, умирали на этом пространстве, проклиная своих начальников. Фюрера в частности. Именно здесь, в подмосковных полях заснеженных и заболоченных лесах, появилась короткая фраза из двух слов. – "Гитлер капут". Ее впервые произнес кто-то из немцев, сдаваясь в плен, подняв обмороженные руки. Только сам Фюрер с этим был не согласен и используя экономический потенциал всей Европы, пытался доказать, что это не так. Европа, якобы стонущая под каблуком

оккупанта, напряглась, выдавая рекордные количества продукции военной, и пополнила ряды Вермахта миллионами своих граждан, которых не брали в Вермахт, но с удовольствием вербовали в Ваффен СС. Дивизии эсэсовские, как поганые грибы наполнили Европейские города, сформированные из кого угодно, русских, украинцев, эстонцев, голландцев, французов. Нет ни одной страны европейской, пожалуй, которая могла бы похвастаться, что не пополнила эти подразделения своими согражданами, в том или ином количестве. Даже джентльмены с кислыми лицами, с берегов загаженной ими Темзы, из Туманного Альбиона, не исключение и Ш-ий Рейх не оставил их без внимания.

БРИТАНСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС. Сформирован по инициативе Дж. Амери в янв. 1943 под названием Легиона Святого Георга (St. Georgs-Legion) из добровольцев, выходцев из Великобритании и стран Содружества. В его состав вошло всего 54 британских добровольца. В янв. 1944 легион был переименован в Британский добровольческий корпус и в феврале 1945-го включен в состав III танкового корпуса СС. Б Д К фактически никогда в боях участия не принимал и лишь его небольшая часть сражалась в последние дни войны в Берлине (в составе моторизованной дивизии СС «Нордланд»). Военнослужащие носили германскую форму, обычные знаки различия и эмблемы СС, а также манжетную ленту с надписью готическим шрифтом «British Free Corps», нашивку с тремя английскими львами и шеврон с британским флагом.

Известные военнослужащие Британского корпуса:

– Англичане: унтерштурмфюрер СС Уильям Ширер, обершарфюрер СС Томас Хеллер Купер, Томас Фримен, Джон Эрик Уилсон, унтершарфюрер СС Франсис Поль Метон, Франсис Джордж МакЛерди, роттенфюрер СС Уильям Чарлз Бриттен, штурм-ман СС Альфред Вивиан Минчин, Норманн Роуз, Генри

Симондс, СС-манн Френк Экстон, Гарри Бэтчелор, Эдуард Кеннет, Блекман, Альфред Браунинг, Чепмен, Уильям Кларк, Фредерик Крофт, Джордж Крофт, Клиффорд Доуден, Рой Ральф Фат-чер, Сирил Нейнес, Роберт Хейд-жес, Уильям Хоу, Эдвард Джейксон, Томас Киплинг, Роберт Генри Лейн, Джон

Лейп Денис Джон Лейстер, Фредерик Левис, Уильям Миллер, Эрнст Ничоллс, Гарра Найтингейл, Томас Перкинс, Эрик Плисантс, Герберт Роулендс, Джон Уилсон;

– шотландцы: унтершарфюрер СС Хью Уилсон Кови, СС-манны Уильям Александер, Александр Мак-Киннон, Чарлз Манне, Джон Сомер-вилль;

– австралийцы: СС-манн Рональд Беркер, Роберт Чипчейз, Альберт Стоукс, Лайонел Вуд;

– новозеландец: унтершарфюрер СС Рой Николас Коурлендер;

– канадцы: Артур Джеймс Кридер-ман, Эдвин Мартин;

– южноафриканцы: СС-манн Элл-смор, Питер Лебашане, Ван Хеерден, Лоуренс Вилль-оен, унтершарфюрер СС Дуглас Мердон. Это список тех кто попался. Конечно, пять десятков – не Бог весть какое количество, но это известные пять десятков. А фактически их было пять сотен. Число, конечно, тоже не ахти какое по сравнению скажем с французами, сумевшими внести вклад в Ваффен СС полнокровными дивизиями типа "Шарлемань (Карл Великий)". Или с бельгийцами, с их дивизией "Валлония". Но если учесть, что Франция и Бельгия были оккупированы, а Англия нет, то и понятно, почему вклад со стороны британцев столь незначителен. Однако именно эсэсовские дивизии продемонстрировали всему миру, что идея национализма – интернациональна. Смешное сочетание. Противоречивое оно какое-то. "Русише швайне", "Унтерменш" маршируют с рунами в ЭЛИТЕ, а истинных арийцев – немцев, сортируют по росту, копаются в их родословных до седьмого колена, выискивая иудейские корни, и на пушечный выстрел к СС не подпускают. Немцам должно было быть обидно. Но они миллионами замерзали до смерти в окопах под Москвой, выбрав молчаливо себе и своему народу эту судьбу. И ведь нельзя сказать, что народом себя на какое-то время ощущать при этом перестали. Наоборот им вдалбливалось пропагандой, что народ они будь здоров – Сверхлюди и

при этом интернационализм в ЭЛИТЕ. А за линией фронта все наоборот – идет долбежка об ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЕ, а победа становится возможной только тогда, когда руководство страны отпускает вожжи национальные, вспомнив вдруг, что есть Великий Русский народ и в срочном порядке, налепившем десяток художественных фильмов об Александре Невском, Иване Грозном, Кутузове и Суворове. Ордена в их честь учредила и прекратила "давить" Православие.

Михаил проснулся от запаха кофе и толчка в бок.

– Подъем, начальник,– крикнул Сергей, врубая песню про зарядку в исполнении Владимира Высоцкого и под его хриплое "... Очень вырос в целом мире гриппа вирус, три, четыре..."– Михаил, сдав назад, прокрутил танк вокруг своей оси пару раз, стряхивая с его башни сугроб. Выскочив на броню, он растер лицо снегом и, вернувшись, красный и взлохмаченный, ткнул Сергея в плечо:

– Освежись, лапоть сельский.

– Я уже,– ухмыльнулся Сергей,– принял душ, пополнил запас продуктов и боезапас. Смотался, короче, в пирамиду. Будить тебя не стал, уж больно сопел сладко.

– Считаешь, что это правильно? Вот так воевать? С душем и свежесваренным кофе? Тепличные условия создаешь себе,– проворчал Михаил, прихлебывая горячий кофе.

– Нет, я сейчас возьму винтовку Мосина, накручу обмотки и сяду задницей в сугроб. Если ты считаешь, что это лучше, то флаг тебе в руки, вперед. А я сзади проеду и на видео сниму,– Сергей включил дисплей и принялся осматриваться.– Во, немчура, прямо подвиг совершают. Дорогу расчистили – загляденье. Хоть в три ряда шуруй. Приспособили КВ и снегопад им ночной по барабану. Выросли их дорожники в моих глазах за ночь на голову. Тебе шлепать с винтовкой по такой трассе будет одно удовольствие, заранее за тебя рад. А вот интересно, как немцы среагируют на тебя в обмотках?

– Нормально среагируют. Пристрелят на хрен. Только не дожدهшься. Я не это имел в виду, а душ.

– А что душ? Я проснулся, глядь, а аккумуляторы в "Оспах" на нуле, ну и смотался побыстрому... А в душ уж попутно, пока системы заряжались. Полчаса времени всего. И учти, завтракать я там не остался, хоть меня и уговаривал Кондратий жалобным голоском Катюшиным. Икрой красной искушал, но устоял я, не поддался. С собой взял. На твоём месте я бы не ворчал, а благодарность объявил, за инициативность и моральную устойчивость. Я ведь мог и домой сбегать за это время на пару дней или недель. Сказал бы там, что ты тут решил задержаться, а я тебе мешал сосредоточиться. Но я ведь не козел, какой-нибудь, чтобы так тебе нагадить. Вернее Катюше, так что ты по любому не прав. Извиняйся, иначе сожру икру в одну харю.

– Что за сленг, Серега?– поморщился Михаил и, цапнув бутерброд с маслом и красной икрой, принялся его жевать, запивая кофе.

– Вот так всегда. Критика неконструктивная в ответ и полное игнорирование служебного рвения. Хреновый ты начальник, Миха. Тебе никто про это еще не говорил?

– Говорил и не один раз,– кивнул Михаил.

– Кто этот умница?– обрадовался Сергей.

– Ты. Задолбал своей критикой уже лет десять. С этой минуты ты командир этой лоханки и чтобы не отвертелся, получи погоны,– Михаил фыркнул и на плечах у Сергея засветились серебром и золотом генеральские погоны. А у него самого появились невзрачные – рядового танкиста.

– Вот ты как значит?– растерялся от такого подарка Сергей.– Сидишь тогда почему, рядовой, в присутствии хрен знает кого тут по чину?

– Генерала-фельдмаршала,– подсказал Михаил.

– Вот, вот.

– Потому что в танке, как и в бане, субординация ограничивается. Щелкать каблуками и вытягиваться "смирно" не принято. Остается только обращение, герр Генерал-фельдмаршал.

– Эх, блин! Жалко, что как в бане. А кресты где мои? Что это за Генерал-фельдмаршал без крестов?

– Прав... Виноват, исправлюсь,– Михаил щелкнул пальцами, и десяток крестов усеяли грудь и шею Сергея.

– Переборщил как обычно,– Сергей пощупал кресты и половину из них убрал, щелкнув, так же как и Михаил, пальцами.– Теперь в самый раз. Скромность украшает. Вперед за пульт, рядовой. Пора выдвигаться. Время уже восемь часов, светает. Немцы сейчас повалят сплошным потоком, не протолкаться будет.

– На нашей-то телеге? Обижаете, герр Генерал-фельдмаршал,– Михаил прыгнул на место механика-водителя и включил двигатель.– Погнались,– танк выпрыгнул из леса на расчищенную трассу, пока еще не заполненную транспортом и рванул в сторону Рузы. Скорость развил при этом такую, что через пять километров догнал дорожный КВ с ножом бульдозерным и обошел его, не снижая скорости. Врезавшись при этом в снежный наст, нанесенный за ночь, он скрылся из виду в снежном облаке, оставляя за собой широкую траншею и облегчая суровые будни немецких дорожных танкистов. КВ ревел, выворачивая на сторону снежные сугробы и когда их стало вдруг совсем мало, механик от неожиданности, остановил машину и высунув голову из люка, уставился на почти расчищенную дорогу. Танк проскочил мимо так быстро, что разглядеть он его в триплексы не успел.

– Что там у тебя случилось, Фриц?– крикнул ему в ухо сзади, подсевший обер-лейтенант.

– Снега стало меньше и следы траков, будто кто-то уже проехал, герр обер-лейтенант,– ответил механик, захлопывая люк.

– Проехал и проехал. Нам легче. Вперед,– прервал его размышления, над загадочным исчезновением сугробов обер-лейтенант.

– Яволь,– проорал в ответ механик, врубая передачу и КВ взревев, продолжил движение.

Не доезжая до Рузы пары километров, Михаил свернул опять влево, где была обозначена проселочная дорога и привязавшись к снимкам спутниковым, пустил машину на автопилоте в сторону деревушки Захнево, до которой было шесть километров. Танк зарылся в лесные трехметровые сугробы, то появляясь на взгорках, то ныряя в низины и исчезая из виду, а через полчаса, вывалился из очередного наноса и выкатился на деревенскую улицу, единственную и укатанную местным гужевым транспортом. Танк, с крестом на броне, пронесся по ней, в это время суток пустынной и остановился у избенки с заледеневшим флагом, на котором, сквозь изморозь, просматривалась посередине свастика, а в углу серп с молотом. Местный староста, не имея флага фашистского, использовал советский, замазав серп и молот и намалевав крест – гагенкрейц. Однако краска от мороза с серпа и молота обсыпалась и теперь симбиоз советско-фашистский, возможно единственный в своем роде, украшал конек крыши.

– Взгляни, Серега, какая замечательная идея пришла в голову здешнему старосте. Не хватает только профилей вождей – Адольфа и Иосифа,– обратил внимание друга на эксклюзивное творение Михаил.

– Это упущение следует исправить,– Сергей улыбнулся и профили вождей немецкого и советского народов, появились на полотнище, слегка потеснив свастику. Смотрелись они в паре вполне органично, оба усатые, оба целеустремленно уставившиеся в замороженное небо.

– Повесят старосту теперь наверняка. Первый же гестаповец, который здесь появится и поймет, что изображено.

– Да и хрен-то с ним. Пошли, познакомимся с кандидатом в висельники,– предложил Сергей, поправляя кресты и открывая люк.– Что-то он не спешит встречать Генерала-фельдмаршала.

– Спит, пади. Зима. Все на печках. А нет, вон бежит вприпрыжку. Напрасно ты о нем так пренебрежительно. Бдит,– на крыльце избенки появился мужчина с усами "а ля Сталин" и побежал к воротам, застегивая на бегу полушубок

Староста оказался мужчиной лет тридцати и выглядел вполне благообразно, с бородой черной как смоль. Он выскочил из ворот и, подбежав к стоящему рядом с танком Сергею, вскинул руку, заорав во всю глотку:

– Хайль Гитлер!

– Ты чего орешь, как резаный?– осадил его Сергей.

– Так ить положено, хер-р-р-р немец-офицер,– замер подобострастно староста.

– Хрен с тобой, ори, раз положено. Ты тут главный, в этой деревне?– Сергей требовательно взглянул на старосту, закусив нижнюю губу, и тому стало не по себе.

– Я сейчас, хер-р-р-р,– рык этот староста выдавал, очевидно, полагая, что так получается гораздо солиднее, чем просто "хер".

– Сейчас ты. А до этого кто был?

– До этого тоже я, но назывался Председателем.

– Почему на фронт большевиками не призван?– Сергей, продолжал разглядывать старосту так же пристально.

– Хворый я, белобилетник, хер-р-р-р. Плоскостопие. Родился такой,– принялся оправдываться староста, привычно. Очевидно, на этот вопрос ему приходилось отвечать в последнее время чаще всего.

– Значит, ты был при большевиках главным в деревне и теперь главный? Как же вышло так? Звать тебя как, хитрый русский мужик?

– Зовут Егорием,– совсем сконфузился староста, чувствуя, что виноват в чем-то, но, пока не понимая в чем.

– Егорий. Странное имя. Ты вот что, Егорий, народу много ли в деревне проживает?

– Да какой народ, хер-р-р-р? Бабы да ребятишки. Мужиков по мобилизации всех подчистую выгребли. Есть пару дедов. На печках сидят. Нету народу. У нас деревенька вон... Десять дворов.

– Это хорошо, что сидят на печках. А посторонние, приبلудные, есть?

– Никак нет, хер-р-р-р,– староста не стал сразу выдавать "херу" придурковатого, контуженного, поселившегося в деревне.

– Значит, нет никого?

– Да, хер-р-р-р.

– Веди в избу, староста Егорий, и распорядись, чтобы покараулили наше транспортное средство. Говорят, тут по лесам партизан развелось, видимо-невидимо. Бандитов. Украдут еще,– распорядился Сергей и староста, получивший ясные указания, бросился их выполнять. Провел в избу, за стол усадил, а у танка выставил караул, собственную супругу с топором. Женщина приплясывала рядом с танком в огромных валенках, обвязавшись шалью так, что только глаза посверкивали, и верилось, что угнать бандитам-партизанам "транспортное средство" не позволит. В деревне, действительно, с мужчинами была напряженка и оружие, новая власть старосте, выдать не удосужилась. У него, правда, была собственная берданка, но патронов к ней все равно не было, так что и доставать ее из сундука Егорий не стал. Спрятал он ее туда лет двадцать назад, когда охоту повсеместно в лесах Советская власть запретила, а оружие приказала зарегистрировать или сдать. Бегать по милициям, за разрешительной справкой Егорию было лень, и он убрал берданку с глаз, от греха подальше.

– Угощай, Егорий. Мы сюда к вам надолго. Говорят в русских деревнях народ гостеприимный. Поживем вот, посмотрим,– Сергей присел на табурет, облокотясь на столешницу и Егорий засуетился, выставляя на стол из печки горшок и чайник.

– Каша вот, хер-р-р-р, только что супружница моя сготовила. Горячая, разваристая, из гороху,– обрадовал он Сергея.

– С мясом хоть?– поинтересовался Сергей, скривившись.

– Поста нынче уж нет, хер-р-р-р, стало быть с мясом вполне могла бы быть. Но откуда его взять? Армия сперва русская подмела закромы, а потом немецка. Так что без мясу.

– " Без мясу", Егорий, сам ешь. Это кто там головы с печи свесил?

– Детки мои, хер-р-р-р,– Егорий, промчался пулей к печи и пятью шлепками в лоб, убрал пять конопатых физиономий, задернув ситцевую занавеску. На печи зашептались, Егорий цыкнул и печь притихла.

Михаил, замерший у входа, как рядовому и положено, молчал, предоставив возможность Сергею самому наводить мосты с местной властью и решать проблему с обнаружением посторонних в деревне.

– Коммунистов, значит, нет в деревне, Егорий?– продолжил Сергей.

– Дак, откуда? И не было никогда,– подтвердил староста.

– А дезертиры?

– И энтих, тоже нет. Не дай Бог,– перекрестился Егорий.

– В Бога веруешь, староста?

– А как же, хер-р-р-р. "Без Бога, не до порога", так у нас-то испокон говорят.

– А вспомни, что в заповедях сказано, Егорий. "Не лжесвидетельствуй",– Сергей обличающе ткнул, стоящего перед ним старосту пальцем в грудь.

– Так ни Боже-ж мой!– опять перекрестился тот.

– А придурок, который у тебя в баньке всю зиму живет? Это как?

– Так придурок же, хер-р-р-р офицер. Навроде, как убогий и не человек он вовсе. Ничего опять же не соображат. Так я про него и запомнил. Живет себе, как птаха небесна. Ни кому от него, ни убытка, ни печали,– зачастил староста, оправдываясь.

– А документы при нем были, какие-нибудь?

– Нет, хер-р-р-р. Зачем сумасшедшему оне? На лице все прописано.

– Тащи его сюда, староста. Мы сами посмотрим на это лицо.

– Так некого таскать, хер-р-р офицер. Ушел он вчерась днем. Я ему кричал, кричал в след-то, а он и ухом не повел. Так в лес и подалси, в сторону Можайску.

– Ушел, значит, придурочный?

– Ушел, как есть. Вчерась,– староста преданно "ел" глазами начальство.

– Ладно. Верим, Егорий. Хотя жаль, что ушел этот человек. Ведь замерзнет в лесу. Снега нынче намело, так ведь и далеко-то не уйдет.

– На лыжах он подалси, хер-р-р-р офицер. Сам же и выстругал за месяц. Дурак, конечное дело, но вот лыжи смастерил однако. На них и подалси. Котомку на плечи нацепил и подалси.

– Лыжи смастерил? Не такой уж и придурок, значит. Однако в лесу-то голодно, волки и бандиты за каждым деревом. Все равно пропадет.

– Знамо дело. Потому и звал я его. Жалко дурня-то стало. Только он и не оглянулся. Такой вот дурачок.

– Что же, Егорий, с тебя спрос самый последний, раз дурачок, а вот скажи-ка ты мне, что это за стяг ты вывесил над домом своим? Что-то непонятный он какой-то. И гакенкрейц и серп с молотом комиссарский и еще Фюрер там изображен вместе со Сталиным. Это что за художества?

– Как Сталин?– разинул рот староста.

– Натурально, в профиль, с усами,– Сергей приподнял брови.

– Быть не может того,– щелкнул челюстью Егорий.

– Сходи, убедись, – разрешил ему Сергей и староста выскочил из хаты. Вернулся он бледный, как будто за минуту, которую отсутствовал, успел отморозить лицо. Флаг произвел на него впечатление соответствующее.

– Это, это, хер-р-р-р, непонятно как... Должно от морозу, – высказал он предположение. – Позвольте снять немедля?

– Снимай. Чего уж там, коль мороз у вас такие фокусы выкидывает, да сюда неси. Взглянем на эти чудеса природы вблизи, – староста полез на чердак, а из него выбрался на крышу и флаг, с профилями вождей содрав, вернулся с ним в руках. Остановившись перед Сергеем, он развернул его для демонстрации.

– Мороз это, хер-р-р, – убедительным тоном, подтвердил он изначальную версию.

– Вижу, что мороз. Другого объяснения просто и не найдешь. Разве что предположить, что это кто-то поглумиться над Фюрером решил и разместил его в обнимку с Иосифом Виссарионовичем. Ишь как глаза-то вытаращил. По-хо-ж, каналья.

– Ни в коем разе, хер-р-р-р офицер, мороз это. Боле некому. У нас так никто не сможет. Не учены такой премудрости, – пробормотал староста.

– Убери с глаз моих, Егорий. В печку вон брось, – махнул рукой Сергей в сторону печи.

– Слушаюсь, – Егорий метнулся к печке и поспешно затолкал тряпку в ее зев, захлопнув заслонку и подперев ухватом, будто опасаясь, что кто-то из вождей выскочит из огня.

– Спасибо за угощение, староста, – поднялся Сергей. – Живешь ты отвратительно, детей вон полна печка опять же. Как до весны дотянешь? Много гороха-то запас?

– Бочонок, хе-р-р-р офицер, – не стал скрывать количество запасов староста.

– До весны, значит, дотянете, а там глядишь, и лебеда с крапивой попрет на огороде, – усмехнулся Сергей. – Счастливо оставаться, – уже в танке он спросил у Михаила:

– Ну, как тебе, староста?

– Нормальный мужик. В деревне, кроме придурка Хрюкина еще десяток наших красноармейцев прячется. Из плена сбежали, ну а бабы их выхаживают. Партизаны тоже заглядывают, он тут ими и поставлен, так что флаг ты ему правильно сжечь велел. Повесили бы немцы Егория, а у него пятеро на печке сидят, ты правильно подсчитал.

– Ну вот, блин, опять я маху дал. Над нормальным человеком прикалывался, – огорчился Сергей. – Как вот они тут живут на одном горохе? – Сергей высунулся из башни и крикнув, стоящему с непокрытой головой старосте:

– Эй, Егорий, держи подарок от Фюрера, за то, что освободил его от компании сомнительной, – швырнул к ногам старосты два увесистых мешка. Танк, рыкнул на прощанье и, развернувшись, ушел обратно в сторону Рузы, а староста с супругой, проводив его взглядом, переглянулись и попробовали шевельнуть мешки. Однако оказались они неподъемными, и пришлось тащить их в дом вдвоем. Затащили и, развязав, застыли оба изумленно. В мешках оказались продукты. Сахар, крупы, масло. Фюрер не забыл и о детях, положил в мешки несколько килограмм конфет в блестящих обертках.

– Во, мать, это че тако? Как понять? – Егорий скреб в бороде, а вокруг уже столпились ребятишки и тянули руки к блестящим фантикам. – Цыц, – остановил их отец. – От немца, вдруг с отравой. Псу надобно сперва скормить, проверить. Нако вот, Петруха, сбегай живо, – сунул он конфетину сыну и тот, вытянув ее перед собой, унес во двор. Вернулся обратно с радостным криком:

– Полкан не сдох, хорошая, без отравы...

– Рано радуешься. Может еще сдохнет. Отрава разна бывает, – авторитетно заявил отец, и дети притихли, а потом через каждые пять минут бегали проверять, жив ли Полкан... До самого вечера. Полкан сдыхать не собирался и на следующее утро семья смело пила чай с конфетами.

– Может это и не немцы были?– сообразила старостиха.– Больно по-нашему чесали бойко.

– И не повесили за флаг-то,– скреб в затылке Егорий.– Немцы бы за Сталина враз бы вздернули, пади. Кто же тогда? Неужто наши разведчики переодетые? А что? Свободно могли. Танк опять же, вон какой. У немца я таких не видал в Рузе. Значит – наши. Вона, даже кашу есть не стали, постеснялись. Увидали сколько ребятишек и выдумали, что, дескать, без мяса не станут. Немец-то, пади умял бы за обе щеки весь чугунок и еще добавки потребовал бы.

Последний довод показался семье самым убедительным, и она заулыбалась, с гордостью поглядывая на главу семьи, который все так правильно разложил по полкам.

– Значит, всем рот на замок и никого мы тут не видали, ежели кто спросит,– закончил Егорий.

– Правильно, тятя, вдруг немцы их ловят,– пискнул Петруха и получил одобрителный подзатыльник за сообразительность.

Глава 2

Не доезжая до Рузы пару километров, Михаил свернул направо и, выехав на заснеженный луг, остановил танк.

Открыв люк, он впустил в салон Филю и тот начал докладывать:

– Объект ушел из деревни вчера в 17.00 часов. Направился на юг. Через три километра вошел в аномальную зону, которая протянулась на юг и запад. Площадь уточняется. Имеются разрывы и на западе она особенно велика по площади, – Филя вывел на дисплей карту и продемонстрировал границы аномальной зоны.

– Да у него есть возможность вообще уйти на запад чуть не до Парижа. Значит, сейчас местоположение объекта неизвестно?

– В настоящий момент неизвестно. В радиусе десяти километров, Хозяин. Дальше он физически уйти не мог за это время. Возможность его обнаружить есть только визуальная. Сканирование бесполезно.

– На лыжах, здоровый парень может и все двадцать пробежать, почти за сутки. Даже если он половину этого времени только двигался, – возразил Филе Михаил.

– Вряд ли он двигается просто абы куда. Наверняка хочет выйти в тылу, к какому-нибудь промышленному центру.

Я бы на его месте подался в сторону Смоленска. Там административная система "новый порядок" уже устоялась и при желании и изворотливости вполне можно более комфортный найти способ путешествия на запад, – высказал предположение Сергей.

– Почему ты решил, что он вообще пойдет на Запад? С таким же успехом он может двинуться на юг. Ну а вообще на его месте я бы пошел на восток. Да, да. Именно на восток. Линия фронта неустойчива, не является сплошной. Все противостояния осуществляются по-прежнему на направлениях. Просочиться будет не сложно. А дальше гораздо проще, уже в привычном правовом поле и языковой среде, уйти на тот же юг и затем через границу куда угодно.

– Для того чтобы идти за границу, нужно иметь конкретную цель и средства. Есть у него по-твоему они?

– Есть, Серега. Средства точно есть. Причем столько сумел хапнуть случайно, что не унести ему их с собой все. А цель у таких людей незамысловата. Раз есть средства, значит, их нужно потратить на себя любимого, ни с кем не делаясь. Думаю, что этой цели Артуру Макаровичу за глаза хватит.

– Хапнул? Что именно?

– Золото ему свалилось в руки. Нашел в лесу. Перевозили из банка Можайского в Рузу. Не довезли сотрудники НКВД. Двое решили, что вполне могут с такими сокровищами уйти в отставку, пока неразбериха. В результате перестреляли друг друга. А тут Хрюкин нужду справить отошел и наткнулся на трупы. Захоронил золото, кстати, отсюда в двух шагах. Место приметное, – Михаил увеличил спутниковый снимок местности и указал на квадратик одинокого строения.

– Вот избушка, от нее в пятидесяти шагах под сосной и зарыл все.

– Нужно проверить был ли он там. А, может, сидит рядом еще. Сколько там золота?

– Не очень много, но одному не унести. Шестьдесят восемь килограмм. Но там еще есть уникальные бриллианты князей Юсуповых, которые стоят дороже, чем это золото и орден Андрея Первозванного, тоже Юсуповский. Стоит поменьше, но зато легкий. Правда, Артур Хрюкин в стоимости бриллиантов, как свинья в апельсинах разбирается, но думаю, что ума у него хватит именно их в первую очередь прихватить. Ну и золотишко, разумеется, прихватит,

сколько жадность позволит. Уходить отсюда с пустыми руками в любую сторону глупо, с его точки зрения.

– Поехали, проверим?

– Поехали,– Михаил сориентировался по карте, и танк пополз в сторону сторожки. У нее он остановился и парни, выскочив из люков, огляделись. Сосну, с зарытым под ней кладом, нашли легко и без металлодетектора поняли по разворошенному снегу и комьям земли, уже за десять шагов, что опоздали и Хрюкин здесь уже побывал. Недооценил Михаил и жадность Артура Макаровича. Выгреб он все ценности, и погрузив их, судя по всему, на что-то вроде волокуши, утащил с собой все. Яма метровой глубины, зияла присыпанная снежком и Сергей, проверив ее, молча спрыгнул вниз и вылез обратно с монетой в руке.

– Николаевские червонцы,– продемонстрировал он монету Михаилу.

– Перепрятать решил. Место посчитал не надежным.

– Или СТН стучит, крючковой лапой Рерюфа, в сердце,– предположил Сергей.

– Это тоже вполне возможно,– согласился с ним Михаил.– Филя, что там новенького?

– След просматривается на протяжении пятисот метров на юг, затем теряется. Ночью прошел снегопад и северный ветер замел лыжню. Ищем. Пока шел лесом отсюда, наследил так, что и вьюга не успела прикрыть, а потом несколько луговин и речушек. Здесь и пропал. Возможно, что ушел по одной из рек,– доложил Филя.

– Смылся фигурант? Хреново работаете, Филя. Может, вам еще пару другую десятков сотрудников подбросить? Миха, как ты думаешь?

– Не вижу смысла прочесывать территорию так масштабно. Никуда он не денется. Ну а если и исчезнет, то тоже не велика потеря, я думаю. Будем проверять всех Хрюкиных в Питере. Это мне, кажется, более целесообразно. Филя, продолжайте поиск, доклад через каждый час. Давай.

– Есть,– Филя чирикнул и исчез, растворившись среди присыпанных снегом елей и сосен.

– Тебе все равно как сложилась судьба этого Хрюкина в это время?– спросил Михаила Сергей.

– В общем-то, не особенно занимает. Могу примерно предсказать. Войну он явно пережил, а это значит, что удалось ему выбраться из зоны активных боевых действий и пересидеть времена эти. А вот после войны, скорее всего, вернулся в Москву или поселился в Ленинграде тогдашнем. Золотишко закопал. Вряд ли удалось ему уйти за границу. Хотя, если удалось, то значит занялся коммерцией, имея начальный капитал, но в любом случае все он с собой унести не мог, а значит, наверняка приперся бы при первой возможности в Россию. Или прислал бы кого-то. СТН был нами запеленгован в Питере, и кто-то его туда доставил. Сам вряд ли. Стар стал для путешествий Хрюкин к концу века, если дуба не врезал.

– Тогда нам в Питер нужно. Чего торчать здесь? Возвращаемся?

– Да, пожалуй,– Михаил набрал код возврата, но вызов от Фили остановил его.

– Нашли, хозяин. Чешет в сторону Можайска. Через полчаса выйдет к городку,– сообщил «Троян».

– Странный маршрут избрал Артур. Там сейчас не самое уютное место. Он что рассчитывает уехать по железной дороге? Интересно было бы взглянуть, как у него это получится. Даже останавливать не стану ради этого. Неужели сумеет сесть и уехать.

– Сомневаюсь. Пассажирские поезда не ходят, а на воинский эшелон его никто не пустит. Арестуют, обыщут, найдут ценности и повесят.

– Зачем прется к Можайску тогда?

– Поехали, посмотрим,– предложил Сергей.– Спорим, что у него что-то другое на уме.

– Поехали, чего гадать. Увидим.

За последние месяца Хрюкин Артур Макарович извелся от неопределенности и скудного рациона. Деревня бедствовала и ничего кроме картошки предложить не могла. Бабы выпекали

ржаной хлеб, но уже добавляли в муку молотую кору и еще что-то, от чего зубы вязли в этом хлебе. Артуру Макаровичу во сне снилась Москва, родная квартира и борщи с плавающими в них кусками мяса. Не зная чем себя занять, между скудными обедами и ужинами, когда притворяться дурачком нужды не было, он выстругал из двух обломков досок лыжи, сделав их короткими, но широкими. По сути, снегоступы получились и Артур Макарович, ничего руками делать не умеющий, откровенно гордился своим изделием, вот только похвастаться было не кому. Роль придурка контуженного, в которую он вжился, не позволяла. Опробовав лыжи на огороде у Егория, Артур остался ими доволен и начал собирать сухари. На это у него ушел целый месяц и кошмары, которые стали его донимать в последнее время, совершенно расшатали за этот же месяц его психику. До такой степени, что Артур понял, если не уйдет немедленно, то прикидываться дурачком вскоре ему и нужды не будет. Свихнется на самом деле. Снились Артуру убитые НКВД-эшники, причем капитан тарасился на него и тянулся руками костлявыми к его горлу. Артур пробовал убежать, но ноги не слушались и он с ужасом наблюдал, как скребут грязные ногти уже его грудь и отрываются пуговицы на гимнастерке. Артур вскакивал с воплем и если бы не жил в баньке на огороде, то, наверное, был бы не в радость семейству старосты. Проснувшись, Хрюкин подбрасывал поленьев в печь и долго пялился тупо на огонь, пытаясь прийти в себя. Засыпал и снова видел все тот же кошмар. Извелся так, что заикаться начал на самом деле. Но вот в последнюю неделю, кошмары изменились. Капитан покойный сниться перестал, а вместо него стал сниться мужик с крючковатым носом, который явно был расположен к Артему доброжелательно, хоть и выглядел сущим чертом. Растягивая тонкие губы в улыбке, этот мужик подмигивал, и что-то пытался сказать, но рот его открывался совершенно беззвучно и то, что Артур его не слышит, мужика злило. Ночи три снился этот доброжелательный черт, скалящийся и пытающийся что-то сказать безрезультатно, а на четвертую ночь Артуру показалось, что он слышит его голос:

– Я хочу тебе помочь,– услышал Артур и, напрягшись, спросил:

– Чем?

– У тебя золото, но ты его не можешь потратить на себя, для того чтобы жить хорошо. Я помогу. Научу, как уйти из захолустья и попасть в места безопасные и благополучные,– услышал Артур ответ и закричал нетерпеливо:

– Научи.

– Ты мне нравишься,– улыбнулся крючконосый,– но ты должен слушаться.

– Я буду слушаться!– заорал во сне Артур, еще нетерпеливее.– Научи!

– Научу, успокойся. Все в твоих руках. Твоя судьба. Я твой ангел-хранитель. Делай все так, как я скажу, и ты станешь самым сильным, самым богатым человеком в мире.

– Я не хочу быть самым богатым, я просто хочу жить!– заорал Артур, которому было не до возвышенных материй.

– Ты будешь жить долго и счастливо,– улыбнулся змеиной улыбкой крючконосый.

– Кто ты? Как тебя зовут?– Артур совершенно отчетливо слышал каждое слово, и ему хотелось конкретики.

– Меня зовут Рерюф и я твой ангел-хранитель,– крючконосый попытался сделать доброе лицо, но у него это получилось плохо. Рожа крючконосая перекосилась кривой ухмылкой и Артур подумал, что если это ангел-хранитель, то каков же тогда бес-искуситель.

– Что я должен делать, Рер?– сократил он имя "ангела" и тот поморщился недовольно, но претензий высказывать не стал по этому поводу.

– Ты должен немедленно бежать из этого селения и идти на юг. Там у городка Можайска, ты найдешь населенный пункт Шевардино – это конечный пункт твоего пути. Там, в Шевардино, есть тайное место, в котором ты найдешь все необходимое для счастливой жизни. Там находится волшебная вещь, дающая тому, кто ей владеет, необычные способности. Делющие его могущественным, неуязвимым, никому не подвластным. Иди. Я поведу тебя.

– Какая вещь? Как она выглядит? Где спрятана?– Артур не склонен был бросаться очертя голову в неизвестность, только по тому, что кто-то во сне назвался его ангелом-хранителем.

– Это кристалл Силы и выглядит как кристалл. Кто возьмет его в свои руки, тот станет Повелителем этой Силы. Самой сильной Силы в этом мире. Но взять кристалл не просто. Нужно для этого потрудиться,– ответил «ангел-хранитель», тараща глаза.

– Мне не нужен никакой кристалл. Мне не нужна Сила. Выведи меня туда, где нет войны. Где не убивают и где не нужно прятаться, когда у тебя мешок золота,– высказал свои чаяния Артур. Высказал он их так эмоционально, что проснулся весь мокрый от пота и долго смотрел в закопченный потолок баньки, нависший у него почти над самым лицом. Спал Артур на верхнем полке.

– Бред,– пробормотал он и его голос прошелестел хрипло в тесной парилке.– Вещь, Сила, ангел-хранитель. Приснится же такая муть. Нужно бежать отсюда. Я с ума сойду, если просижу здесь еще хоть неделю. Куда он сказал нужно идти?– название населенного пункта не удержалось в памяти, и Артур поворочавшись, снова задремал.

Сон повторился снова, но теперь "ангела" Рера Артур увидел сидящим на стуле со скрепченными ногами. Одет был "ангел" в белую рубаху до пяток и заброшенные одна на другую ноги, высывалась из-под нее босыми ступнями. Не копытами, а ступнями и этот факт, добавил "ангелу" шарма и доверия в глазах Артура.

– Куда идти надо?– не стал он терять время зря, приступив к расспросам.

– Шевардино. Рядом с этим населенным пунктом.

– Как я найду это место?– Артуру хотелось узнать подробности немедленно.

– Я покажу, где это, когда дойдешь,– заверил его Рер, качая ступней.

– Почему я должен верить тебе?– засомневался Артур.

– Потому что ты услышал меня, а это не каждому человеку дано. Значит ты ИЗБРАННЫЙ,– опять расплылся в "доброжелательной" ухмылке Рер.

– Кем?

– Провидением,– воздел перст вверх Рер.– Верь мне.

– А тебе что с этого?– недоверчивость была в крови у Артура. Он всосал ее с молоком матери Марии Кирилловны.

– Мне? О-о-о! Очень многое! Я стану между тобой ИЗБРАННЫМ и ПРОВИДЕНИЕМ посредником. Это великая честь.

– И что с того? С чести этой?– Артур оказался не так прост и Рер помрачнел. Сосредоточился и выдал более правдоподобную версию.

– Ты получишь Власть и Силу в своем мире, а я получу благодаря этому в своем.

– Что за мир?– Артур рос в глазах "ангела", одновременно приводя его своей дотошностью и расспросами в бешенство и он, собрав всю свою волю в кулак, опять расплылся в улыбке.

– В мире ангелов, мой друг. Тебе он не интересен. Ты живешь в мире людей. Я помогу тебе, а ты поможешь мне.

– Как я помогу?– искренне не понял Артур.

– Выполнишь пару моих поручений. Совсем пустяковых.– Вынужден был, от возвышенного перейти к житейскому "ангел".

– Каких?

– Для тебя совершенно несложных, если ты возьмешь в руки кристалл Силы и Власти. Доставишь одну вещицу в то место, которое я укажу. Это не далеко. Совсем рядом.

– Что за вещицу, в какое место?– Артуру не нравились уклончивые ответы, и он уже освоился настолько, что "ангел" ему не казался уже загадочным и пугающим.

– А вот это я могу сказать только тогда, когда ты – ИЗБРАННЫЙ возьмешь кристалл.

– А если не возьму?

– На нет и суда нет. Тогда ничего, ни куда носить будет не нужно,– "Ангел" нахмурился.

– И помогать ты мне тогда не станешь?– решил уточнить Артур.

– Я помогу тебе найти кристалл, а потом тебе моя помощь нужна уже не будет. Ты сам станешь так силен, что горы сможешь сдвигать.

– Зачем их сдвигать?– пожал плечами Артур.

– Затем, чтобы все увидели, ужаснулись и покорились. Чтобы приняли тебя народы Повелителем своим на долгие годы. Чтобы трепетали и славословили. Чтобы возвели в твою честь монументы и сочиняли оды.

– А я буду для этого сдвигать горы?– Артур смотрел на крючконосое лицо и никак не мог понять этого Рера, который нес, по его мнению, чепуху, да еще при этом задирает подбородок и тыкает пальцем вверх.

– Не только горы,– Рер явно начинал терять терпение. Этот смертный, к которому он прорвался с таким трудом, оказался маниакально недоверчив и туповат.– Ты сможешь метать молнии и сотрясать землю громами. Ты станешь управлять стихиями. По мановению твоей Воли будут идти дожди, и светить солнце.

– И солнце тоже?– опять усомнился Артур.

– И солнце. Оно, конечно, светить не перестанет, но ты его можешь спрятать, укрыв в пелену облаков. Ты будешь проноситься над Землей ураганом и по Воле твоей, Земля будет цвести или изнемогать от жажды.

– Это все конечно здорово, Рер, но что-то мне не нравятся твои недомолвки. Значит, ты мне покажешь, где этот кристалл, а если я его не достану, то ты меня бросишь прямо у той деревни? И куда мне потом бежать?

– Ты возьмешь кристалл. Потому что ты Избранный. Других вариантов просто не может быть, но изволь, отвечу и на тот вариант негативный, который тебя беспокоит. Я не брошу тебя. Выведу. Потому что ты все равно дорог мне. Ты ИЗБРАН мной. А этого не каждому удастся достичь. Ты смог. Мы шли друг к другу навстречу и встретились в нейтральном мире, который не принадлежит земному, но и в моем мире ангельском он призрачен. Я не оставлю тебя в любом случае. Наша связь, возникшая в это время, будет теперь постоянной.

– Ты будешь сниться мне теперь все время?– Артур задумался над тем хорошо это или плохо. Видеть каждую ночь Рера.

– Если захотим,– уклонился от прямого ответа "ангел".

– Темнишь, Рер. Что-то мне это не нравится. В этой жизни на Земле, все друг друга обманывают. У вас там, то же самое что ли? У ангелов?– Артур вздохнул и проснулся. Весь день он вспоминал сон, даже аппетит потерял и все что ему предложили съесть в этот день, осталось нетронутым. День тянулся очень медленно, и как только стало смеркаться, Хрюкин завалился спать. Только сон не шел и он проворочался до полуночи, а когда все же заснул, то никакого Рера не увидел, а опять к нему тянул свои скрюченные клешни капитан НКВД. Разозлившийся на капитана, за то, что влез без спроса в его сон, Артур вдруг совершенно перестал его бояться и оттолкнул тянущиеся к нему пальцы. Это у него получилось легко и Хрюкин, сплюнув, пнул ногой сидящего под деревом назойливого покойника, отравившего ему столько ночей. Капитан послушно повалился на бок и пополз от него прочь.

– Ползи, рожа,– крикнул Хрюкин.– Попробуй только появиться еще раз, голову оторву, козел,– фразы эти вырвались из него сами собой, а за спиной он услышал аплодисменты и голос Рера, скрипучий и одобрительный.

– Bravo, Избранный. Это успех. Ничего не бойся, я рядом,– Артур оглянулся и увидел своего "ангела-хранителя".

– Рад, рад видеть тебя,– проскрежетал тот, скалясь вампиром. К счастью для Рера Артуру вампиров пока видеть не доводилось, так как телевидение еще не внедрилось на территории СССР и не познакомило ее население с этими представителями мифической фауны, иначе Артур бы сто раз подумал, прежде чем радостно заорать:

– Почему я тебя, Рер, не увидел сразу? Почему это дерьмо тут снова ползает?

– Потому что это тебя беспокоило. Ты ведь виноватым себя ощущаешь? А почему? Воспитание всему виной. А в чем ты виновен? В смерти этих людей? Нет. В том, что присвоил ценности казенные? Тоже нет. Ведь если бы не ты, то они бы достались наверняка врагу. Ты их спас. А раз ты их спас, то они твои. Я прав?

– Прав. Конечно же, врагу. А кому же еще? Даже если бы я их привез и сдал, то все равно враг бы их захватил. Уж больно быстро наступал он тогда,– охотно согласился с «ангелом» Хрюкин.

– Вот и не нужно себя упрекать. Ты прав, потому что ИЗБРАН. Поэтому и золото нашел ты, а не твои попутчики. Они прах, а ты ИЗБРАН. Ты рожден для Великих свершений и Власти, а они обычные люди. Обычных, серых – миллиарды, а таких как ты единицы. Прими это. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю,– закивал Артур, который ничего не понимал, но ему нравилось, что таких как он единицы.

– Тогда слушай, что нужно делать. Завтра уходи из этого села. Тебя ищут.

– Кто?– испугался Артур.

– Очень страшные люди. Они знают, что у тебя золото и что ты ИЗБРАН. Они попытаются, помешать тебе завладеть кристаллом Силы и Власти, а без него ты не сможешь стать Повелителем. И золото у тебя они хотят отнять.

– Кто они? Как узнали, что я взял золото?

– Они имеют способность видеть, и они увидели тебя. Они узнали, где ты спрятал клад. Это колдуны. Их зовут Михаил и Сергей. Беги завтра же. Забирай золото и беги в Шевардино. А там я научу тебя, что делать.

– Я не унесу один столько. Там 70-т килограмм, Рер,– взмолился Артур.

– Сделай волокушу из плотной ткани. Брезента кусок найди. Привяжи к нему веревку,– "ангел" скривился, убеждаясь в очередной раз что "избранный" туповат.

– Точно. Ну, голова у тебя, Рер,– Артур проснулся и начал собираться с раннего утра. Сухарей у него накопилось целый солдатский "сидор" и, собрав свое убогое имущество из котелка, фляги, кружки и ложки, Артур в середине дня ушел в сторону Можайска. Он слышал, как его несколько раз окликнул староста, но даже и оглядываться не стал, так как уж кто-кто, а этот Егорий был точно "обыкновенным и серым". Ну, и зачем с таким вообще разговаривать ему – Избранному? Место, где он «свои» сокровища закопал, Артур нашел довольно быстро, даже сам удивился, как это у него получилось без проблем. Снегу намело, правда, под елью, но это и хорошо, так как землю не проморозило глубоко. Вырезал ножом квадрат и саперной лопатой за полчаса дорылся до золота. Куска брезента, к сожалению, у старосты в хозяйстве не нашлось, так что пришлось спереть у него пару мешков дерюжных, но и из них волокуша получилась вполне ничего и Артур не стал засиживаться у ямы. Засыпать ее тоже не стал, так как снег повалил и если злодеи, которые его преследуют место уже знают, то какой смысл закапывать, а главное – это убраться подальше. Страх перед неизвестными ему преследователями и алчность погнало Хрюкина на юг, и он довольно бодро отшагал первые пять километров, в двух местах удачно вписавшись в русла лесных речушек.

Остановился он только к вечеру, когда неожиданно разбушевалась вьюга, и идти стало совершенно невозможно. Видимость стала отвратительной. Запалил костер в овражке, вырыв берлогу и натаскав в нее лапника. И так у него это здорово получилось, что перекусив сухарями и кипятком, спать завалился при двадцати градусах в минусе почти, как в баньке. К утру, правда, костерок прогорел, дожрав последние приготовленные сучья. Холод достал через валенки и полушубок, но Артур встал, попрыгал, поприседал и, напившись опять кипятку, двинулся дальше. А через час уже вышел к Можайскому шоссе, движение на котором было к его досаде в этом месте довольно оживленное. Немцы отступали и спешно строили линии обо-

роны именно в районе деревни Шевардино. Пришлось сидеть до сумерек, так как выданный старостой аусвайс не избавлял от обыска и рисковать золотом, протащив его двадцать верст лесом, Хрюкин не желал. А уж когда стемнело, тут же и пересек шоссе, при первой же паузе.

Удачно проскочил и влетел в русло реки Колоч, которая проложила здесь свое русло почти параллельно шоссе. По нему и двинулся теперь уже на восток и в полночь остановился на ночлег, обнаружив в обрыве речном вырытый блиндаж. Блиндажик соорудили скорее всего русские, так как печки в нем не оказалось и дров припасено тоже не было, а при свете лучины Хрюкин на промерзших глинистых стенах обнаружил несколько десятков посланий от русского народа Фюреру немецкому. В основном с пожеланиями самого похабного свойства, что говорило о некотором нервном состоянии писавших. Надписи выцарапали естественно штыками и они рваной, заиндевевшей вязью покрывали все видимое свободное пространство. Было что-то здесь и вроде нар, но прилечь на них Хрюкин не решился, а пустил заледенелые жерди на костер, который разжег прямо внутри. Дым мгновенно заполнил помещение, но в крови у Артура проснулся бродяга и он быстро сообразил, как с этой напастью справиться. Завесил вход в пещеру-блиндаж плащ палаткой, оставив прореху сверху, и дым потянуло в нее, так что на полу у костра вполне стало терпимо. Разломав стол из снарядного ящика, Хрюкин соорудил из него ложе и переночевал вполне терпимо. Заснуть сумел при этом и сон увидеть. Рера, разумеется, довольно скалящегося, увидел в нем и доложил о пройденном пути.

– Очень хорошо. Ты почти пришел. Русло это нам и нужно. Пройдешь еще на восток, от того места где остановился на ночлег, двести десять метров и увидишь в этом месте изгиб. Русло огибает каменную гряду. Она-то тебе и нужна. Остановишься и будешь искать разлом. Он не велик, но протиснуться в него можно. Обнаружить его – вот главная задача. Но я верю в тебя и помогу. Возьмешь в руку ладанку, которую тебе повесила на шею матушка на счастье. Она металлическая и когда ты станешь приближаться к разлому, то почувствуешь пальцами пощипывание. Значит, двигаешься верно. Главное найти расщелину, – Хрюкин проснулся ранним утром и на этот раз зуб на зуб у него не попадал, так что пришлось выпить котелок кипятка, пока отогрелся. Высунувшись из пещеры, он убедился, что никого вокруг нет и задерживаться в ней больше не стал. Двести метров это не то расстояние, к преодолению которого следует готовиться как следует. Так что через пять минут он уже был на месте и шарил по обрывистому берегу глазами, сжав в руке медальон "серебряный". Который ему действительно нацепила на шею Мария Кирилловна, заявив, что вещица ей эта досталась от деда Артурова. И что тот, кто ее носит, непременно помирает в постели от старости, потому как серебро это наговорено. Артур перечить мамаше не стал, и медальон, который Рер почему-то назвал ладанкой, на шею нацепить себе позволил и так привык к нему за последние месяца, что и не замечал его. Перемещаясь медленно вдоль берега, он почувствовал вдруг довольно ощутимый удар электромагнитом в пальцы и зашипел недовольно, отпустив в рукавице сжатый медальон. Ориентировавшись, Артур понял, что расщелина, скорее всего, находится прямо перед ним и занесена разумеется снегом. Саперная лопата с визгом вошла в промерзший снег, и через десять минут Хрюкин дорылся до расщелины. Кроме снега ее еще и довольно сильно затянуло грунтом, и прошлогодняя трава зазвенела под лезвием лопаты, как проволока. Хрюкин рубил ее с остервенением и расчистив землю промерзшую, вопреки, хотя мороз с утра был трескучий и перехватывал дыхание.

Еще полчаса энергичных раскопок принесли зримые результаты, в виде отверстия, из которого потянуло сыростью.

Артур рылся как крот, расширяя его и еще через полчаса в отверстие можно было вползти. Что он и сделал, предварительно припорошив свои следы. Хрюкин полз в темную нору, не видя ничего перед собой, волоча следом волокушу с золотом, и ему казалось, что прополз уже метров сто. В норе было гораздо теплее чем снаружи, но все равно холодно, так что когда уставший Хрюкин остановился чтобы передохнуть, то моментально замерз. Земля

тянула в себя тепло из вспотевшего тела и озноб, пробравший его с макушки до пяток, заставил двинуться дальше. А еще через пять минут Хрюкин уперся в тупик и чуть не взвыл, поняв, что попался в ловушку. Обрато ему в этой норе развернуться вряд ли удастся, тем более, что волокуша сзади перегородила нору, буквально закупорив ее. Саперная лопата, с яростью вонзенная в земляную преграду, вошла в нее неожиданно легко. Грунт был сухой и пористый. Хрюкин выдернул лопату и ткнул опять ей впереди себя вслепую еще отчаяннее, и лопата провалилась, вместе с рукой ее сжимающей, в пустоту. Трясущимися руками Артур достал из внутреннего кармана коробок спичек и, чиркнув, осветил пространство перед собой. Перед ним чернело отверстие и из него тянуло не только сыростью, но и теплом. Настоящим, плюсовым. Спичка догорев, прижгла пальцы и Хрюкин зашипев, принялся вслепую орудовать саперной лопаткой, расширяя проход. Терпения у него хватило минут на пять. Ощупав руками образовавшееся отверстие, он прополз вперед еще на метр и снова зажег спичку. Огонек колеблющийся, высветил явно пещеру с каменным полом и такими же сводами, серыми с искринкой. Хрюкин выполз в пещеру и, встав на колени, зажег очередную спичку, которых осталось в коробке десятков последний. Но сейчас он не трясся над каждой, понимая, что на карту поставлена жизнь. Спичка вспыхнула, и Хрюкин понял, что ему повезло попасть в довольно просторную пещеру, которая расширялась и уползала плавно вниз. Уклон этот был замечен даже при слабом освещении и Хрюкин, оглядывающийся по сторонам, пока горела спичка, заметив это, выволок из норы волокушу с золотом. А затем вслепую отрезал от дерюжного мешка клочок и намотав его на черенок лопаты, поджог.

Дерюжка, пропитанная, за годы использования, человеческим потом, загаженная всеми отходами деревенской цивилизации, разгорелась с копотью и треском. Но, к радости Хрюкина, не тухла. Оставив мешок с золотом у входа, Артур двинулся по покатоному полу пещеры, освещая себе путь импровизированным факелом.

Пещера плавно не только опускалась, но и загибалась явно. Ее неровные, каменные стены, то почти смыкались, принуждая Хрюкина двигаться боком, протискиваясь, то расширялись метров до десяти и тогда он прижимался плечом к той что справа, так как именно она явно поворачивала постоянно. Пройдя двести шагов, которые Хрюкин произвольно считал, он опять уперся в тупик. Осветив его и убедившись что дальше прохода нет, Хрюкин присел на корточки и начал грызть сухари. Голод, вдруг появившийся, заглохил все страхи и колени трясащиеся у него до сих пор, дрожь перестали. Догорала дерюга, коптя и осыпаясь, хрустели на зубах каменной крепости сухари и он сопел, давясь ими.— "Дальше что"?— мысль эта занозой завязла в голове, повторяясь снова и снова. Прожевав очередной сухарь, Артур запил его водой из фляги и привалившись спиной к вставшей на его пути каменной стене, устало вздохнул и уронив голову на колени, неожиданно для себя задремал. Глаза устало закрылись и он сразу же увидел "ангела".

— Ты пришел почти. Осталось сделать последнее усилие,— Рер оскалился в уже привычной для Хрюкина улыбке, демонстрируя два ряда крепких зубов, слегка желтоватых и так плотно слепленных друг к другу, что они казались сплошными костяными наростами на деснах.

— Делать что? Куда идти?— спросил Артур нетерпеливо.— Спички заканчиваются.

— Сейчас ты встанешь и простучишь стену перед собой. Она звучит. Попробуй повторить тональность голосом. Получишь проход,— ответил Рер и исчез. Очнувшийся от дремоты Хрюкин, увидел что факел погас и он встал на ноги, не попытавшись даже нащарить его в могильной темноте, окружившей его со всех сторон. Повернувшись к стене, Артур ударил по ней флягой, которую до сих пор сжимал в руке, и стена отозвалась гулко, будто он ударил в дно бочки.

— А-а-а-у-у,— попытался повторить он получившийся звук и ударил в другое место, переместившись на шаг в сторону. Стена снова отозвалась звуком бочоночным, и он снова аукнул, потом еще и еще. Долбил и орал, пока не выбился из сил. Присев на корточки Хрюкин пошарил, отыскивая саперную лопату и нащупав ее, намотал на черенок портянку, сняв ее с ноги.

Сунув босую ступню в валенок, он поджег ткань и она, выдав выхлоп вони, разгорелась так ярко, что осветила весь проход, выхватив из мрака метров двадцать квадратных. При свете факела, Артур снова начал громыхать флягой и орать "а-у" до хрипоты.

"Нужно не орать, а петь", – вдруг пришла ему в голову мысль и он, отбросив в сторону флягу, ударил по стене костяшками пальцев. Звук получился совсем другим, не боченочным, насыщенным и не искажаемый металлическим скрежетом фляги.

– У-у-у-у-у-у, – завыл Хрюкин, попадая в унисон и стукнув снова, опять провыл, но теперь уже. – "О-о-о-о-о".

Стукнув и провыл раз двадцать, он явственно услышал шорох, а к его ногам посыпались мелкие камни сверху. Подняв факел повыше, Хрюкин разглядел в своде пещеры щель, а наклонившись, обнаружил такую же у ног. Не долго думая, он сунул в нее лезвие ножа и попробовал подковырнуть, но нож согнулся, изготовленный из плохо закаленной стали и Хрюкин плюнув в досаде, выпрямил его в щели. Ломать лезвие ему не хотелось. Подумав, он осторожно сунул штык лопаты в щель, стараясь не погасить факел на черенке, и надавил. Сверху, на голову посыпались камни и грунт, сплошным потоком и схватившийся инстинктивно за голову руками Артур, скользнув подошвой по черенку, сбил коптящую портянку и вмял ее в пол. Оставшись опять в темноте, он выругался, отводя душу и яростно пнул ногой стену. Сверху опять посыпался щебень и затем на голову Хрюкину свалился такой крупный камень, что у него искры брызнули из глаз. Упав на пятую точку, он шипел от боли, радуясь, что шапка защитила его от более серьезной травмы. Отдохнув минут пять и, собравшись уже пустить в ход вторую портянку, Артур вдруг заметил, что тьма стала не такой уж и могильной. Он зажмурился несколько раз, убеждаясь, что ему это не мерещится и понял, что свет сочится из щели в основании стены. Подполз и принялся. Явно сквозило и в глаза, придвинутые вплотную, сочился явно свет. Слабый, едва уловимый, но свет. Хрюкин нащупал лопатку и осторожно сунул ее лезвие в щель. Лопата вошла металлической частью почти до половины и уперлась. Расстегнув полушубок и натянув его на голову, поверх шапки, Хрюкин надавил на черенок обеими руками и приготовившись получить на спину камнепад, замер. Однако камнепада не получил. Сверху посыпался мелкий щебень и грунт, а стена сдвинулась вверх.

– Вверх уползаешь, – просипел Хрюкин и зацепившись руками за нижний выступ, увидел свои руки. Сумрачно, едва различимо, но увидел. Сомнений не осталось, стена сдвигалась вверх и он рванул ее изо всех сил. И она поползла, с треском и шорохом, поднявшись еще на метр. Ощупав отверстие получившееся и поняв, что стена всего оказалось сантиметров двадцать толщиной, Артур сунул голову в отверстие, встав на четвереньки и оказался в полумраке, позволявшем видеть в метре от себя. Откуда и что освещало пространство за перегородкой он понять не смог, но ломать голову над этим не стал и пролез под перемычкой. Здесь он осторожно встал на ноги и пустил на факел вторую портянку. Осветив помещение, в которое попал, Хрюкин сразу заметил торчащие на высоте трех метров, штыри, то ли металлические, то ли каменные с утолщениями на концах. Разглядывая ближайший к себе, он поднес к нему факел и утолщение, задымившись тотчас же, вспыхнуло, так ярко, что он невольно прикрыл глаза ладонью.

– Факелы это, – догадался Хрюкин и поджег еще пару штук. Свет от "факелов" рассеял мрак окончательно и Артур увидел, что находится не в пещере, а зале. Практически круглом, или, если точнее, то эллипсом. Довольно просторном, и ничем не загроможденном. Пустом совершенно. Правда, в его центре торчал какой-то прямоугольный выступ, но не очень высокий, в полметра не более. Но он не загромождал, а будто бы дополнял помещение и Хрюкин прошел к нему, шлепая валенками. Выступ был изготовлен из камня и отшлифован так, что в нем отражались огни "факелов", сияющие ослепительно и дыма не дающие. Квадрат – три метра примерно на три, был нежно розового цвета и в его центре просматривался опять же эллипс метр на полтора, но серого цвета. Нагнувшись вперед, Хрюкин коснулся эллипса и

понял что это металл. Пальцы почувствовали холодную, гладкую поверхность и в них как от медальона, слегка кольнуло током. Руку Хрюкин рефлексорно отдернул и взглянул на свои пальцы, грязные, с давно не стриженными ногтями. Они дрожали и он пробормотал:

– Люк что ли, как в танке?– голос прозвучал в пустом пространстве глухо, но отразился эхом и вернулся в уши едва слышным "анке, анке, анке".

– Танк,– прошептал Хрюкин и встал на колени, взобравшись на полированную поверхность. Склонившись над люком, он стукнул по нему костяшками и запел вслед за услышанным звуком.

– У-у-у-у-у-у,– стукнув несколько раз и проыв в унисон получающийся звук, Хрюкин толкнул, выступающий на пару сантиметров эллипс и тот легко скользнув в сторону, открыл перед его носом темный провал такой же формы.

– Точно – люк это,– Хрюкин достал коробок спичек и чиркнул, освещая провал. Огонек высветил уходящий вниз колодец, глубиной метров пять с совершенно гладкой вертикальной поверхностью.

Глава 3

Вертикаль через метровые промежутки, с двух сторон, была аккуратно прорезана овальными отверстиями-углублениями, явно предназначенными для спуска. Хрюкин повертел головой, не решаясь спуститься в овальный колодец и спрыгнув с квадратной возвышенности, прошел к "факелу". К его удивлению он подпрыгнув, легко выдернул его из отверстия в стене и при этом, коснувшись случайно лицом огня, ожога не получил. Набалдашник светился, едва нагревшись.

– Вот это спичка,– пробормотал Хрюкин, дотрагиваясь до светящегося места рукой и убеждаясь, что оно чуть теплое.– Это кто же такую придумал?– вопрос повис в воздухе и Артур хмыкнув, пошел обратно к колодцу. Осветив теперь его, как следует, он рассмотрел не только овальные ступеньки, но и метрах в двух от пола овальный опять же выступ. На сантиметр выступающий из стены он был расчерчен вдоль и поперек и не сумевший разглядеть его как следует, Артур спустил ноги в валенках в отверстие. Спускаться ему было страшно, так что коленки снова затряслись, но стиснув зубы, он пересилил страх и вставил носок в первый овал. Спустился без приключений и облегченно вздохнул, опасаясь все же опускаться на дно колодца и зависнув на последней ступени. Была она довольно широкой и оба валенка уместились в ней свободно. Перед лицом Хрюкина оказался как раз тот самый овал, который он заметил сверху и он мог теперь рассматривать его вблизи. Упершись левой рукой в противоположную стену, он поднес "факел" к овалу размером с обеденную тарелку и принялся рассматривать рисунки на нем изображенные. Именно рисунки. Исчерченный прямыми овал разделялся ими на восемь сегментов, в каждом из которых был изображен человек. С ручками и ножками фигурка в каждом сегменте что-то делала. Стояла, сидела, лежала, шла, бежала, стояла на коленях, стояла с поднятыми вверх руками, в которых сжимала стрелу и наконец, спускалась по ступеням. Рисунки просматривались на овале отчетливо, но слегка запылились и Хрюкин протер их рукавицей, вытащив ее из кармана полушубка. В результате овал засветился весь сразу, мягким матовым светом и фигурки стали видны совсем отчетливо. Хрюкин, разинув рот, разглядывая их, ткнул пальцем с опаской в тот, где фигурка спускалась по ступеням. Ему она показалась наиболее понятной и безопасной. Совершающей вполне понятные действия. Остальные можно было понять по-разному. Стоящий, например, очень не понравился Хрюкину, потому что на его личике был изображен ротик раскрытый явно в крике. Остальные головки тоже, то хмурились, то сводили рот линию в точку, а вот этот шагал по ступеням, и голова его была без глаз и рта.– "В профиль потому что",– сообразил Хрюкин и вздрогнул от раздавшегося шипения. Будто кошка рядом выдала этот звук, и следом за шипением раздался шорох задвигающегося над головой люка. Колодец слегка дернулся и явно пополз вниз. Набирая скорость и пугая Хрюкина так, что он взвизгнул по-пороссячи, вцепившись руками в ступени и выронив "факел" из руки. Факел кувыркнулся и упал на пол, продолжая светить, но теперь уже снизу вверх. А скорость движения нарастала и шипение усиливалось. Хрюкина трясло от ужаса его охватившего так, что он едва держался на весу, оперевшись лбом в светящийся овал. А на нем человек марширующий по ступеням светился гораздо интенсивнее прочих, а в центре появился еще один сегмент, зеленого цвета. Хрюкин взвизгнул еще раз, ткнул в эту зелень пальцем и движение плавно прекратилось. Человек, спускающийся по ступеням, уравнился в интенсивности свечения с остальными, но высветился стоящий с поднятыми руками и стрелой в них. Шипение так же прекратилось, а в малом радиусе овала, справа от Хрюкина, запахнулся проход от пола до потолка. Он даже не понял, как это произошло. Только что серела стена и вдруг ее не стало. "Факел" на полу по-прежнему сиял, как маленькое солнце и Хрюкин, спрыгнув вниз, поднял его и высунулся в образовавшийся проем. Открывшийся ему интерьер напоминал обычный коридор, в каком-нибудь земном учреждении и он вышел из овальной

камеры, сделав несколько шагов по этому, метров пяти в ширину, коридорищу, конец которого тонул во мраке. Целая анфилада дверей с обеих сторон, отбрасывали тень в свои квадраты и, Хрюкин шагнул, к тем, что ближе. Ручки он на дверном полотне, серого цвета не обнаружил и озадаченно поскреб затылок. Рука натолкнулась на шапку ушанку, и он снял ее с вспотевшей головы. Ручки не было, а было уже привычное овальное углубление, прорезанное поперек полотна с правого края в метре от пола. Дернув вверх полотно, Хрюкин никакого результата не добился и принялся барабанить в него, сообразив, что звук и здесь может оказаться ключом. Опробованный метод сработал, дверное полотно легко скользнуло вверх, приглашая войти. Сунув "факел" в дверной проем, Хрюкин сразу понял, что попал в складское помещение со стеллажами из прозрачного, но запыленного на открытых участках материала.

– Из стекла что ли?– спросил сам себя Хрюкин и шагнул к ближайшему. Был он в шесть этажей и заставлен плотно коробками. Материал, из которого изготовили их, был похож на плотный картон коричневого цвета и Хрюкин попробовал шевельнуть одну из коробок. Оказалась она легкой и он, вытащив ее, опустил к своим ногам. Верхняя часть контейнера сдвигалась, как у школьного пенала и Хрюкин это сообразил, увидев овальное углубление с одного из краев. Потянул, и крышка скользнула вбок, открывая взгляду содержимое. Коробка была набита коробками поменьше, плотно уложенными и Хрюкин, зацепив одну ножом, вытащил ее из плотных объятий таких же рядом. Размером с пачку "Беломора" никаких надписей она не имела, зато имела рисунок. Яблоко, румяное с одного бока и узнаваемое с первого взгляда. Хрюкин повертел большую коробку и обнаружил такой же рисунок и на ней.

Пожав плечами, он принялся вертеть маленькую коробку и понял, что она тоже открывается как пенал. Одна из узких сторон сдвинулась, и Хрюкин увидел внутри порошок. Сунул в коробку два пальца, зацепил щепотку и осторожно понюхал. Пахли пальцы яблоком несомненно.

– Кисель,– предположил Артур и лизнул пальцы. Вкус тоже оказался яблочным, и Хрюкин, высыпав из коробки в рот изрядную порцию, принялся жевать. Порошок мгновенно высушил рот, впитав слюну и превратившись в вязкую субстанцию, подтвердил его догадку. Хрюкину попались высушенные и измельченные до порошкового состояния яблоки. С трудом прожевав "кисель" Хрюкин запил его из фляги водой и принялся ворочать коробки, рассматривая рисунки. На этой полке лежали исключительно с яблочной картинкой, и он принялся за другие, начав с нижней. Внизу на картинке оказалась груша и, Хрюкин, поморщившись, полез на верхние. На следующих полках он обнаружил картинки с разными фруктами и, открыв с гроздью виноградной, попробовал и этот "кисель". Виноградный оказался таким кислым, что он даже и жевать его не стал, выплюнул.

– Здесь что, фруктовые киселя только,– проворчал он обиженно, будто ему пообещали жареного поросенка, а подали на тарелке, рваный башмак с помойки. Перейдя к следующему стеллажу, упершемся во фруктовый, через десять метров и отгороженный от него прозрачной перегородкой, Хрюкин выдернул со второй полки коробку и повертев, обнаружил изображение животного, отдаленно напоминающего корову, но с такими рогами винтом, что не дай Бог такую встретить живьем. Рога нарисованные, Хрюкина впечатлили, но не напугали. Озадачили слегка, и он полез в коробку, сдвинув крышку. Пакеты внутри контейнера озадачили его своим видом еще больше. Были они гораздо большего размера чем фруктовые и, пожалуй, вмещали в себя не меньше килограмма продукта. Крышку сдвинуть просто тоже не удалось, мешала нашлепка металлическая, заперевшая ее. Хрюкин вертел коробку, как крыловская мартышка очки и даже поболтав, приложил к уху, но открыть ее ему не удалось и он, принялся ковырять металлическую нашлепку ножом. В результате насилия она приподнялась и неожиданно легко сдвинулась вниз. Внутри при этом что-то шелкнуло, булькнуло и зашипело. Звуки эти неожиданные так напугали Хрюкина, что он выронил, коробку на пол и отскочил от нее на пару метров. А в коробке что-то происходило, тренькало, бурлило, и через минуту крышка сама вдруг

отползла в сторону, шевелением своим, заставив Хрюкина напрячься и попятиться к выходу. Но крышка отползла, замерла и выдала в пространство клуб пара и запах жаркого.

– Кастрюля,– понял Хрюкин, шагнув обратно и склоняясь над коричневым прямоугольником. Корова винторогая, рога распрямилась на рисунке, и они загнулись ей за спину, сделавшись совершенно не воинственными. Запах был таким аппетитным, что Хрюкин без сомнений полез лезвием ножа в "кастрюлю" и наколот на него здоровенный кусок явно мяса. Мясо оказалось горячим, хорошо прожаренным, и Хрюкин умял его, давясь от жадности. Опустошив "кастрюльку" и не наевшись, Хрюкин вскрыл еще одну "винторогую" и, подковырнув металлическую заглушку, привел систему саморазогрева в действие, замерев рядом. Эта "кастрюлька" также забулькала и затренькала, теперь уже не пугая его, и когда крышка отползла в сторону, обрадовав его запахом и паром, он уже изготовился с ножом и рот у Хрюкина распахнулся так, что просматривались предыдущие куски, полупрожеванные. Вторую "кастрюльку" опорожнял он уже не так поспешно и даже заметил, что в блюде явно не хватает соли, ну и хлеб бы тут лишним не был. Вспомнив про хлеб, Хрюкин пожалел, что не взял с собой в колодец вещмешок с сухарями и, не доев мясо, кинулся к стеллажам в поисках картинка с хлебом. Как назло, попадались ему все больше с головами животных и Хрюкин порой вздрагивал от одного только вида, тех, кто пошел на жаркое. Узнал, правда, не многих. Одна голова была явно бараньей, но рожки были маленькие. И еще одну он точно узнал – крокодила. Морду эту он помнил из учебника зоологии и поспешно вернул ее на стеллаж. Возможно, что мясо у крокодилов вкусное, но рожа была такой кровожадной, что отбивала всякую охоту его отведать. Наконец, порывшись минут десять, и углубившись в самый конец склада, в длину метров пятьдесят, Хрюкин наткнулся на коробку, картинка на которой обнадежила. Изображен был колос, явно хлебный и Артем тут же коробку вскрыл. Нашел он в ней что-то вроде печенья, но пресного и подумав, что это ничем не хуже чем сухари ржаные, доел оставшееся мясо, заедая его этим печеньем. Наевшись и запив обед все той же водой из фляги, Хрюкин поболтал ей возле уха и с сожалением вздохнул. Воды осталось мало.

– Продуктов полно, хоть зиму тут десять лет, а где вода?– задал он вопрос и не получив ответа, продолжил ревизию склада, прикидывая сколько денег можно наварить на продаже этих запасов. Суммы получались фантастическими и Хрюкин повеселел. Рер выполнил свое обещание, вывел в место хорошее.– "А вода и как подняться, если что наверх"?– подумал он и вспотел от этой мысли. Наверху осталось золото. Бросив поспешно очередную коробку с нарисованной на ней посудой с длинным, нелепым горлышком и успев подумать, что такая посуда ему и даром не нужна, Хрюкин помчался к колодцу, подняв над головой "факел". Дверь по-прежнему была распахнута и, он принялся ломать голову над рисунками, изображенными на эллипсе.

– Нажал на этого мужика и пополз сюда. Здесь он со стрелой. А если нажать сначала на этого мужика, а потом вот на этого, который стоит?– Хрюкин не стал спрашивать самого себя еще раз, он просто ткнул пальцем сначала в один сегмент, а потом во второй и эллипс захлопнулся, вздрогнул, зашипел кошкой и пополз вверх. Полз он опять, набирая скорость, но, уже не пугая этим своего пассажира. Замер и мигнул зеленым сигналом. Хрюкин ткнул на всякий случай в этот сегмент, и над головой его отползла в сторону верхняя, овальная заслонка-люк. Выскочив наверх, Хрюкин помчался к выходу из норы, освещая себе путь "факелом" и пробежав двести метров, облегченно вздохнул. Мешок его был на месте, и он даже проверять не стал содержимое, перетащив к люку и швырнув вниз. Спустился он теперь, не раздумывая и тыкая в сегменты уверенно. Шипение его уже совершенно не настораживало и не пугало, становилось привычным звуком. В этот раз он ждал, что распахнется эллипс и заметил, как часть его скользнула мгновенно вверх. Но и это его уже не удивило. Хрюкин втащил мешок в коридор и направился в открытую дверь, чтобы продолжить осмотр стеллажей. Коробку с диковинной посудой, которая оказалась еще и с ручкой, он все же вскрыл, подумав,– "А вдруг золотая

она", – посуда оказалась совсем не золотой, металл был светлый, но сама бутылка оказалась тяжелой и, помещалось их в упаковке шесть штук, емкостью литра на три.

– А может из серебра она? – прошептал себе под нос Хрюкин, присматриваясь к длинному горлышку, закупоренному пробкой. Пробка торчала сантиметров на пять, и пошарахав ее из стороны в сторону Артур сумел откупорить с трудом и звонким хлопком посудину. Наклонив ее он вылил на пол лужицу жидкости и, макнув в нее палец, понюхал.

Пахло вином, и тогда Хрюкин лизнул палец.

– Вино, – пришел он к заключению и приложился к горлышку. Вино оказалось слабым, почти без градусов и Хрюкин довольно улыбнулся: – Сойдет вместо воды, – коробок с вином оказался штук пятьдесят и, перемножив количество, Артур пришел к выводу, что ему его хватит надолго:

– Речка рядом, если что. Помыться там, простирнуть бельишко, – хозяйственно рассудил он и полез к следующим стеллажам. На ревизию склада продуктового у него ушло часов восемь, и он так умотался, ворочая коробки, что присев по окончании работы на них же, подкрепился мясом разогретым, умяв три "кастрюльки" и выпив бутылку вина. Разомлел при этом так, что выложив ложе все из тех же коробок, застелил их полушубком и заснул мгновенно, стоило только ему расслабиться и вытянуть ноги. Явившийся тут же "ангел", буквально кипел от негодования и принялся читать ему мораль:

– Ты зачем роешься в этих коробках, как свинья? – начал он с вопроса.

– Я проголодался, – возразил ему Хрюкин.

– Ты Избранный, а ведешь себя как обыкновенный усредненный, – фыркнул "ангел".

– Я устал и проголодался, – упрямо повторил Хрюкин.

– Хорошо, ты проголодался, я понял, но зачем ты рылся в этом складе для животных так долго. Этот корм разве стоит того времени, которое ты на него потратил?

– Для каких животных? – опешил Хрюкин.

– Для домашних питомцев. Кошек, собак и прочих, – скривился презрительно "ангел".

– А вино, тоже для кошек? – Хрюкин фыркнул недоверчиво.

– Это не вино – это туалетная вода, для них же. Ей протирают им морды после еды, – захохотал вдруг "ангел". – Ты выпил целую бутылку. Ну как?

– Нормально. Не сдох, – огрызнулся Хрюкин. – А нормальная еда есть в этом подземелье и вино? – спросил он, проглотив обиду.

– Есть, в следующем помещении, но ты, Избранный, слишком обстоятельно изучал первое и не успел осмотреть следующее, – явно со злорадством, захохотал "ангел".

– Успею, – опять огрызнулся Хрюкин. – У меня много времени впереди.

– А вот тут ты ошибаешься, Избранный. Времени у тебя не так уж и много, потому что по твоим следам идут преследователи. Они уже рядом. Ты должен спешить. Ищи кристалл Силы. Он находится на этаже обозначенном фигурой, стоящей на коленях.

– Почему я должен верить тебе, что за мной гонятся? Я замаскировал за собой следы и снег валил, так что вход найти не просто будет.

– Они найдут. У них есть для этого хорошие приборы. Если увидишь рядом с собой животное любое мелкое, убей – это их прибор слежения. Птицу, змею, грызуна. Убей – это их глаза и уши, – зашипел "ангел". – Верь мне. Я всегда говорю только правду. Я обещал тебя привести в благодатное место и выполнил обещание. Все что ты здесь найдешь на всех шести этажах – твое по праву избранности, но все это ничто по сравнению с тем, что дает кристалл Силы. Прах и тлен.

– Ничего себе тлен. Если все продать, только из склада для животных, то получится тысяча пятьсот рублей, – Хрюкин открыл рот, демонстрируя "ангелу" свою недалекость.

– О чем ты говоришь? Какие рубли? На том этаже, что обозначен сидящей фигурой ты найдешь несколько тонн золота. Золота и тонн. Не жалкие килограммы, которые ты тащил двадцать шесть километров, а тонны, – прокаркал "ангел".

– Тонны? А почему же ты мне о них ничего не сказал? – усомнился Хрюкин.

– Ты бы не поверил, поэтому и не сказал. Проснешься, проверь, убедись, что я не лгу и беги в лифт, спустись на этаж обозначенный стоящим на коленях. Там тебя ждет кристалл Силы. Возьми его и получи Власть, которая оградит тебя от преследователей. Ты получишь такие возможности, что они сами станут бегать и прятаться от тебя.

– Фигурок восемь, а этажей шесть. Почему Пер? – спросил Хрюкин.

– Стоящий и идущий человек – клавиши не означающие этажи. Стоящий – это выход, а идущий – это вызов администратора.

– Кого вызов? Здесь кто-то живет?

– Автомат здесь живет. Если нажмешь на этот сегмент, то он явится. Похож на паука. Большого. Робот. Машина. Понял? Но ты его не вызывай. Для него ты, пока не возьмешь кристалл – чужак и он тебя обездвижит, а потом выбросит вон из подземелья. Тебе повезло, что ты случайно не нажал на эту клавишу и не активировал его. Прежде чем соваться куда-либо, спроси у меня. Здесь много опасных вещей, которые нельзя хватать беспечно. А фонарь можешь выключить переносной, в каждом помещении есть освещение. Включается при входе. Ты найдешь у каждой двери клавиши. Нажми и свет загорится. Всего их две и уходя, выключай свет нажатием на вторую. Энергию следует экономить, она накапливается в генераторах медленно, а расходуется в тысячи раз быстрее.

– Как выключить фонарь? – Хрюкин начинал верить "ангелу" безоговорочно.

– Нажми на источник свечения. И в следующий раз, когда тебе нужно будет им воспользоваться, не воздействуй открытым племнем. Достаточно потереть, чтобы активировать.

Глава 4

Хрюкин проснулся и, вскочив, прежде всего, проверил клавиши включающие свет. Убедившись, что Рер его не обманул, он погасил фонарь переносной, нажав на него, а потом потер, снова включая. Еще раз убедившись, что его не водят за нос в мелочах, он помчался к следующей двери, выключив свет на складе с кормом для животных.

Открыв дверь, Артур увидел уже привычные для его глаз стеллажи и принялся потрошить их, вертя коробки. На этих рисунки, в общем-то, были почти такими же, как и в предыдущем помещении, но с маленькой разницей. Во-первых, они светились в темноте, а во-вторых, рядом с рисунком был изображен распахнутый рот человеческий, с белоснежными зубами. В остальном совпадение было абсолютным, но мясных "кастрюлек" к сожалению, здесь Хрюкин не обнаружил. Зато обнаружил вино. Настоящее, крепкое и вкусное. Он, правда, не стал злоупотреблять и отхлебнул всего грамм двести, но и этого хватило для того чтобы понять – Рер был прав. Предыдущее пойло – это туалетная вода. Хлеба, однако, здесь он тоже не нашел. Стеллажи были завалены исключительно фруктами, овощами и вином.

– Может в следующих помещениях есть мясо?– с надеждой спросил сам себя Хрюкин и, ему показалось, что он услышал ответ на свой вопрос, прозвучавший едва слышно.

– Идиот, нет здесь мяса. Мясо едят только животные. Люди едят овощи и фрукты.

– Что, что?– переспросил Хрюкин и раскрыл рот, прислушиваясь.

– Мяса для людей нет,– теперь он услышал ответ более четко и спросил.

– Это ты, Рер?

– Я,– донеслось еле слышно.

– Значит, теперь я могу слышать тебя и наяву?

– Если спустишься на уровень с кристаллом, то будешь совсем хорошо слышать,– ответил "ангел".– Иди.

– Я еще не пожрал,– возразил Хрюкин.– Перекушу слегка и отправлюсь, сначала на золото взглянуть, а уж потом этот кристалл брать.

– Иди...– начал говорить что-то "ангел", но Хрюкин послал его мысленно к чертям, слышать перестал и направился в предыдущее помещение. Там он раскупорил пару собачьих консервов с саморазогревом, и с аппетитом подкрепился, запивая мясо на этот раз настоящим вином и заедая своими сухарями. Печенье безвкусное для животных ему не понравилось. Подкрепившись, Хрюкин отправился в лифтовую кабину и нажал сегмент с фигуркой сидящей. Вышел он точно в такой же коридор, что и прежде, только дверных проемов увидел не так уж и много. По две с каждой стороны. Свет он включил, обнаружив клавиши рядом с лифтовой кабиной, но фонарь с собой переносной все же взял, так как не знал пока, что в лифте освещение включалось двумя нажатиями на зеленый сегмент.

Включив свет и выключив немедленно фонарь, Хрюкин направился к дверям, открыв их без помех. Открывшееся складское помещение, оказалось гораздо больше размерами предыдущих, им вскрытых, и стеллажи здесь были также другими. Не прозрачными и походили на сейфы. Двери овальные красовались с обеих сторон, и контейнеры были похожи на пузатые бочки, а сам склад на винный погреб. Проход между этими бочками был достаточно широк, метров в пять, так что вполне возможно, что груз здесь в свое время перемещался автотранспортом. Хрюкин двинулся по проходу, но окинув взглядом метров сто, которые следовало преодолеть, остановился у крайнего бочонка, возвышающегося метра на три. Дернув дверь за овальную прорезь, открыть он ее не смог и принялся барабанить по ней, вякая в унисон получающимся звуком. Дверь сдвинулась на четвертой ноте и перед глазами Хрюкина оказались цилиндры все из того же материала, что и в предыдущих складах. Уложенные в поленницу,

они торцами направлены были в сторону отверстия и Хрюкин попытался вытащить одно такое "полено" оказавшееся увесистым.

– Килограмм пятьдесят, – пробормотал Артур, уже имеющий опыт, обращения с подобными массажи. Вытащив, кряхтя от усилия цилиндр, он поставил его на торец, диаметром сантиметров десять и принялся рассматривать дно, пытаясь сообразить, как открывается этот тубус. Открывался цилиндр просто. Верх сдвигался, точно так же как люк наверху и зафиксирован был контрольным штырем, выдернуть который Хрюкин сообразил через минуту. Крышка сдвинулась, и Хрюкин увидел монеты. Несколько необычные, с какой-то рожей на одной стороне и вязью непонятной с другой, но то, что они золотые Хрюкин понял сразу. Блестели и увесистые были очень. Артур долго рассматривал профиль крючконосый на монете, и он ему показался смутно знакомым.

– На Рера похож, – сообразил Хрюкин и хмыкнул. Руки у него дрожали от возбуждения, и он принялся считать цилиндры. Всего их оказалось двести штук в этом сейфе-бочке и у Хрюкина затряслись не только руки, но он весь задрожал, когда умножил вес цилиндра на их количество. Получилось десять тонн.

– Эт-то только одна бочка-ка-ка, – от возбуждения Хрюкин начал заикаться. – А скок-к-к-ко всего-го-го?

Вопрос этот был столь своевременен и злободневен, что Артур не стал откладывать проверку на потом и в течение трех часов, бегал от сейфа к сейфу, вскрывая их и вытаскивая из бочек цилиндры. К его огорчению не все бочки оказались заполнены. Треть вообще была пуста, а еще треть наполнена была цилиндрами, но не с золотом. Какие-то стекляшки и монеты, но не золотые, а из металла похожего на алюминий, только серого.

– Насовали дерьма, – ворчал Хрюкин, не подозревая, что вскрывает тубусы с необработанными алмазами и металл – это сапрогид. За три часа он выяснил, что всего с золотом оказалось семь сейфов и таким образом в его распоряжение попало примерно семьдесят тонн этого благородного металла. Сыпанув на всякий случай пару горстей монет в карманы полушубка, Хрюкин закрыл дверь и отправился обратно на этаж с продуктами. За прошедшее время он проголодался просто зверски и две "кастрюли" с мясом умял с удовольствием. И только когда доел вторую, обратил внимание, что на этот раз ему попались с крокодильей мордой.

– Ничего, вкусно. Даже вкуснее чем коровье, – сделал он вывод, запив мясо литром вина. Крокодилятина прожарена была хорошо и даже подсолена чуть поболее, чем говядина. Хрюкин не знал, что на земном шарике есть много мест географических, где мясо крокодильи считается деликатесом и ценится выше куриного, например. Не будучи брезглив по натуре и не избалован, особенно в последнее время, разносолами, Артур Макарович, погладил заметно округлившийся живот и полушубок сняв, прилег вздремнуть после сытного обеда. Но не успел он смежить веки, как тут же заявился его "ангел" – паразит и разорался так, будто Хрюкин сожрал ему лично принадлежащие консервы и были они последними.

– Ты опять проголодался? Сколько можно есть? – напустился он на Артура, сверкая возмущенно глазами.

– Я полгода не жрамши нормально, Рер. Имею право навестать. Это вы там ангелы, я слышал, одним нектаром питаетесь. А нам – людям нужно мясо. Если нам его не давать, то мы очень плохо себя чувствуем, – отшил его Хрюкин.

– Что ты несешь? Вставай, хватит спать. Пора идти к кристаллу, – напомнил ему "ангел".

– Что ты погоняешь? Сам иди, если невтерпеж, – психанул Артур. – И как-то ты в последнее время со мной разговаривать, я заметил, стал неуважительно. Обзываешься.

– Я не обзываюсь, Избранный. Я переживаю за тебя. Враги близко. Они уже обнаружили лаз и стоят у входа, – "ангел" убавил раздражения из голоса и прибавил озабоченности.

– А ты придержи их, – посоветовал Хрюкин. – Я же не дурака тут валяю, а проверяю, что в кладовках лежит. Ты же ангел. Или ты хрен собачий?

– Я не хрен, я ангел, но я бессилен против них. Я пробовал заморочить их и отвести глаза от норы, но не смог, – честно признался "ангел".

– Ну, и зачем тогда мне ты? – резонно спросил его Хрюкин. – Прокру с тебя, как с козла молока. Отвали, дай поспать. Устал я от тебя. Прицепился репьем.

– А уговор?! – заорал "ангел".

– Какой? – искренне удивился Хрюкин.

– Я обещал тебе помочь и помог, но за это ты должен выполнить моих несколько просьб. И ты обещал, – напомнил ему "ангел".

– Мало ли чего брякнешь языком, не подумав, в холодной бане, – отмахнулся от своих обязательств Хрюкин. – Посидел бы ты с мое, хоть вот в погребке зимнем, без еды, так, небось, не выступал бы. Хорошо тебе там у вас. Жрешь этот нектар... литрами и не знаешь, что такое задницу отморозить. Это очень больно и неприятно, – Хрюкин вспомнил погреб, в котором ему пришлось прятаться целых две недели, и всхлипнул.

– Хорошо, – "ангел" мстительно оскалился, – я "отвалю", но учти, без меня ты пропадешь. Куда ты вот с этими тоннами золота пойдешь? Кому ты нужен? Вернее – нужен, но исключительно врагам. Они настигнут тебя и отпустят с голой задницей. Вот тогда ты точно отморозишь ее по настоящему, еще сегодня. Не веришь? По глазам вижу, что нет. Хоть я тебя не обманул ни разу, но ты Избранный, недоверчив, как осел. Смотри. Вот они твои преследователи, – Хрюкин взглянул в ту сторону, куда ткнул длинным пальцем его "ангел-хранитель" и увидел двух немцев. У одного из них погоны были явно офицерские, с золотом и серебром, а второй был рядовой, и стояли эти немцы рядом с лазом, который совсем недавно сам же Хрюкин и расчистил. Артур напрягся и услышал голоса. Немцы разговаривали на русском и тот, что с погонами офицерскими, произнес:

– Вот здесь он нырнул. Сначала в блиндаже переночевал, а потом сюда приперся. Следом пойдем?

– Пойдем, что еще остается? Проверить нужно, куда это его понесло. Со вчерашнего дня ведь уполз. Может здесь спуск какой-нибудь промыло к объекту. Расширяй проход, герр Генерал-фельдмаршал.

– Есть, – козырнул "генерал-фельдмаршал" и отцепил от ремня какой-то предмет. Зажав его в руке, он принялся кромсать мерзлую землю, отшвыривая сапогами, пласты. Видение пропало внезапно, так же как и появилось, и "ангел" торжествующе каркнул:

– Ну, убедился? Беги в лифт. Они здесь будут через полчаса.

– Генерал-фельдмаршал немецкий за мной гоняется, а командует им рядовой? – замотал удивленно головой Хрюкин.

– Это маскарад, чтобы немцы к ним не цеплялись и не препятствовали. Беги. Они не пощадят и золото заберут. Это я бессребреник, а они алчущие. Настигнут и все отнимут, захапают и без штанов отправят на мороз. А наверху минус тридцать. Долго ли ты без штанов-то продержишься, несчастный? – запричитал "ангел".

– Так бы сразу и сказал, – дошло до Хрюкина, но он все же прежде чем проснуться, спросил: – А что там за стекляшки в цилиндрах хранятся?

– Алмазы это не обработанные. Бриллианты. Вроде тех, что у тебя есть. Только у тебя мелкие, а там самые маленькие подобраны с орех грецкий, – не стал лукавить "ангел".

– Это, каких же денег все там стоит? – обалдело открыл рот Хрюкин.

– Таких, что тебе и не снилось. Нет в банках всего мира таких денег, – рявкнул опять раздраженно "ангел".

– Да иди ты! – не поверил Хрюкин.

– Что б я сдох, – зашипел "ангел", едва сдерживаясь от того чтобы не врезать Хрюкину по шее. – Вставай.

Хрюкин вздохнул с сожалением. У него еще появилось пару вопросов, которые ему не терпелось задать, но он решил, что задаст их попозже, а пока нужно действительно пошевеливаться и мчаться к этому кристаллу Силы. Который, по словам Рера, один только и может спасти его от этих немцев переодетых, которые ему не понравились из-за разговора недвусмысленного. Проснувшись, Хрюкин напялил полушубок, допил вино и пошлепал к лифту. Здесь он нажал куда следует и через минуту уже вывалился в коридор в тот, что обозначался фигуркой стоящей на коленях. Правда, коридора как такового он здесь не увидел, включив свет. Это был зал. Освещенный мягким светом по периметру и дверей в стенах зала видно не было. А вот в центре зала, точно так же как и на верхнем уровне, торчало сооружение, но не квадратное и не в полметра высотой. До самого потолка возвышалось, упиралось в него. Эдакий цилиндр, диаметром метров пять, превращающий зал в бублик. И вот в этом-то цилиндре дверь имела, такая же серая, как и на других этажах, она была нормальной, прямоугольной формы и Хрюкин вскрыл ее в пять секунд, провякав нужные звуки. Уползла вверх и свет при этом включился автоматически, так что и клавиш искать Хрюкину не пришлось. Шагнув внутрь, он увидел круглый столик, а на нем стоящую шкатулку, которую Артур вскрыл опять же за пять секунд, ковырнув крышку лезвием ножа. На дне шкатулки лежала стекляшка, похожая на кусок слюды цилиндрической формы. Перо воткни "звездочку" и ручка для первоклассника советской школы получится. У Артура была такая в школьные годы, только заостренная с одной стороны и с прорезью для пера с другой. Отпили концы и не отличишь, пожалуй.

– Это что ли кристалл?– спросил он в полный голос, вспомнив, что "ангел" пообещал, что на этом этаже с ним можно будет разговаривать совсем нормально, но ответа не услышал и разочарованно буркнул: – Ну вот, а говорил, что слышать буду. Наврал, выходит. Делать-то что теперь с этим кристаллом? Взял, дальше что?– На вопросы свои Хрюкин опять ответа не получил и цапнув трубку слюдяную из шкатулки, поднес ее к носу и понюхал. Кристалл ничем не пах, а на ощупь был теплым.

– Ну и где ты, Рер? Мне что спать тут залечь, чтобы с тобой поговорить? Так не хочу я пока. Выспался,– Хрюкин повернулся и направился к выходу, сунув кусок слюды в карман полушубка. Поднявшись на этаж с золотом, он вскрыл следующее помещение и обнаружил в нем одежду.

– Вещевой склад,– обрадовался Хрюкин, обнаружив в первом же контейнере обувь. Это были ботинки с высокими голенищами, можно сказать, что сапоги, но сбоку они застегивались на хитрые застегки, которые с треском раскрывались и похожи были на коротко остриженных ежей черного цвета. "Ежики" держали крепко и Хрюкин, подобрав по своему размеру пару, напялил их и потоптавшись понял, что сапоги эти на "ежах" как валенки, обувать можно на любую ногу. Носы задирались слегка вверх и появившись он в таких на людях, хоть где,– "Хоть в Москве, хоть в Америке, обязательно все станут пялиться на ноги. Уж больно чудные",– подумал Хрюкин, снял обувь нестандартную и влез в свои валенки, которые хоть и были тоже на одну ногу, но в них, по крайней мере, можно было появиться где угодно. "Хоть в Москве, хоть в Америке". Зато среди барахла тряпичного Хрюкин наткнулся на вполне приличные комбинезоны черного цвета, с огромным количеством карманов. Даже на рукава портные их пришили и все на эти липкие "ежики" закрывающиеся. Комбинезон Хрюкин тут же и примерил, без сожаления содрал с себя ветхую гимнастерку. Порывшись еще на этом складе, Хрюкин обнаружил еще и пальто тоже черное, правда, покороче, чем его полушубок, но зато новое и тоже с кучей карманов. Он даже пересчитал их все и, насчитав два десятка, довольно присвистнул. Ко всем своим достоинствам, пальто еще и вес имело почти никакой. Не то, что его полушубок, весивший килограммов десять. Поколебавшись минут пять, Хрюкин сделал выбор в пользу пальто и полушубок швырнул на пустой стеллаж, вынув из него предварительно золотые монеты. Взглянув на профиль отчеканенный он вспомнил про Рера и спросил на всякий случай.

– Эй, Хранитель, слышишь меня?– ответа не получил и отправился вскрывать следующую кладовую. Здесь он обнаружил огромный склад с различным оружием. Размещенное в стеклянных ящиках, оно чернело воронеными стволами – огнестрельное и блестело золотом рукоятей – холодного. Хрюкин никогда не был страстным воином в душе и оружие его не заинтересовало. Особенно сабли и мечи. Вот уж совершенно ни к чему. А пара пистолетов ТТ, у него в вещмешках была упакована, так что у стеллажей с пулеметами, автоматами, винтовками и пистолетами он и задерживаться не стал. Взглянул мельком на пистолеты, отметив, что один из них похож на ТТ и руку протянул, чтобы взять его, но наткнулся на стекло и понял, что взять оружие не просто. Стучать и петь ему было лень, и Хрюкин вышел из склада, подумав, что если бы втюхать это оружие кому-нибудь, то денег можно загрести за него тоже изрядную сумму.– "У меня золота семьдесят тонн, его бы втюхать хоть",– подумал Хрюкин, направляясь к следующей двери. Склад следующий обрадовал его от самого входа. Этот был набит разным полезным барахлом. Здесь и палатки походные оказались в чехлах и рюкзаки, ярко окрашенные с ляжками и разными креплениями. Даже лопаты стояли, целой вязанкой, стянутые ремнем. Штук сто. Хрюкин по-хозяйски их пересчитал, убедившись, что ошибся не на много. Лопат оказалось сто одиннадцать.

– Больше, не меньше,– удовлетворенно произнес он и принялся пересчитывать палатки. Палаток оказалось пятьсот штук и Хрюкин одну установил прямо в проходе, чтобы взглянуть, как она выглядит на практике в развернутом, рабочем виде. Выглядела палатка замечательно и спать в ней можно было сразу человекам пяти, если на бок их уложить. На спине конечно только двое уместиться могли в такой крохотуле, но зато расцветка оказалась у нее точь в точь как у стеллажей, со стеклянным отливом, так что она терялась рядом с ними. А устанавливалась легко. Достаточно было выдернуть из чехла и она сама надувалась как нужно. Сдуть и уложить обратно в чехол, правда, Хрюкин ее не смог и махнув рукой, пошел с ревизией дальше, пожалев, что к палатке не прилагается инструкция. Он бы такую взял с собой, только как же ее собирать-то после первой ночевки? А бросать по палатке на каждом привале – это как-то не правильно. Понравилась палатка еще и тем Хрюкину, что помещалась в кулаке буквально. Он и не сразу сообразил, что это такое, пока не выдернул.

– Возьму, пожалуй, с собой десяток, когда уходить буду,– принял он решение.– Соображу потом как-нибудь. Должна собираться как-то. Не может быть, чтобы такая добротная вещь для одного разу предназначена была,– рассудил он.

Проболтавшись часа три по складам, Артур снова проголодался и направился на продуктовый этаж. Однако лифт оказался заперт и Хрюкин принялся изучать клавиши рядом с входом в него. Клавиш было две и они исправно включали и выключали свет, а вот как открыть кабину лифтовую Хрюкин так и не понял. Пнул, то место где должен был быть проем, отбил босую ногу в валенке о стену и подумал, что нужно было носки поискать или тряпку портяночную. Откладывать не стал на потом решение этой проблемы и, заглянув на вещевой склад, сразу же и наткнулся на целый тюк с носками толстыми и судя по толщине теплыми. Портяночную ткань он тоже нашел и тоже целый рулон, от которого и отпорол пару метров квадратных. Тряпка была фланелевая и, Хрюкин тут же и намотал новые портянки, уложив десяток пар носков в рюкзак, который по-хозяйски прихватил еще раньше. В нем у него уже лежали десяток палаток и еще мешок очень прочный с завязками, очень скручивающийся компактно и в расправленном состоянии способный вместить внутрь хоть человека целиком. Зачем такой мешок огромный ему, Хрюкин и сам не знал, просто понравился размерами рабочими и тем, что собрать можно было в кулак опять же как и палатку. Только не надувался он как палатка. "Вдруг пригодится",– подумал Хрюкин, не подозревая, что сует в рюкзак спальный мешок термоустойчивый, в котором спать можно было при сорока градусах мороза, как на печке русской. Закрытый лифт его несколько обеспокоил, тем более, что есть хотелось уже не на шутку. В животе бурчало. Желудок избалованный за последнее время, требовал мяса.

– Проверю ка я последний склад, вдруг там пожрать что-нибудь есть,– подумал Хрюкин вслух и, в воображении его появилась "кастрюля" пыхтящая и благоухающая. Сглотнув слюну, Хрюкин с сожалением вздохнул. Мясо, конечно, это хорошо, но он бы сейчас не отказался и от гарнира к этому мясу. Какие гарниры его маман приготавливала в Москве. А какой хлеб она свежий приносила с работы. С хрустящей корочкой. Хрюкин опять сглотнул слюну, вспомнив мамины борщи, каши и хлеб свежий. Крокодилье мясо конечно вкусное, но борщ Марии Кирилловны со сметаной свежей, Артур бы сейчас на него не променял. С этими мыслями кулинарными он и подошел к последней двери. Открыл, включил свет и чуть не заорал от радости, увидев знакомые стеллажи прозрачные и коробки с нашлепками. Правда, почему-то было здесь очень много крокодильего мяса. Одно считай оно. Ни одной "винторогой" или с мордой бараньей.

– Ну, крокодил, так крокодил. Не впервой чай,– смирился Хрюкин, вытащив две "кастрюльки". Разыскивая печенье, он отложил коробку с колосом и, вскрыв ее был приятно обрадован, обнаружив в ней несколько буханок свежего хлеба. С хрустящей корочкой и пахнувший точно так же как тот, что он ел в Москве когда-то, сто лет назад. Вернее полгода всего назад, но эти полгода такие длинные получились, что Хрюкин уже думал, что забыл, как пахнет свежий пшеничный хлеб. Уплетая его за обе щеки, он наткнулся взглядом на коробку, стоящую на стеллаже и разглядел, что на рисунке изображена тарелка, и пар от нее валил так живописно, что Артур не поленился и сходил к ней. Раскупорил, обнаружил плоские упаковки, в которых запросто уместилась бы большая столовая тарелка для первого. Заклепку металлическую Хрюкин сорвал моментально, заинтересовавшись содержимым. Вскрывшийся контейнер выдал клуб пара и запах борща. Хлебная борщ, который по вкусу напоминал домашний, московский, Хрюкин улыбался счастливой улыбкой, хрустя хлебом. В результате он съел три тарелки борща, две булки хлеба свежего и едва всунул в себя упаковку крокодильего жаркого. Наелся так, что дышать стало тяжело. Запил, правда, не вином, так как найти его не удалось. Зато нашел целую канистру воды. Нормальную канистру из-под бензина и вода, поэтому слегка отдавала этим продуктом. Странно, что он сразу ее не заметил, потому что стояла рядом на стеллаже, у которого он пристроился перекусить. И случайно ведь опять же взглядом наткнулся на эту канистру, захотев пить и вспомнив родниковую воду, которую они набрали в колонке в Рузе, когда выезжали из нее с лопатами и ломом на полуторке. Канистра, правда, тогда была облезлой, а эта оказалась совершенно свежеекрашенная, правда, как-то нерадиво, потому что краска от прикосновения к поверхности ладонями, обсыпалась. Пересохла видать в тепле. А вот вода оказалась ледяной и Артур с удовольствием запил ей свой обед, высосав из горлышка канистры, обливаясь, литра два ее, пахнущую бензином. Подкрепившись и повеселев, Хрюкин прилег отдохнуть и ему задремавшему явился не Рер, которого он ожидал увидеть, а опять этот капитан энкэвэдэшный, сидящий под деревом. Капитан ухмылялся злорадно и руки к его горлу не тянул.

– Я же тебе сказал брысь,– крикнул ему Хрюкин.

– Сам брысь,– нагло прищурился капитан.– Сейчас тебе морду твою наглуую начистят и на мороз с голой задницей вышвырнут, баран,– капитан захохотал, раскрыв рот так широко, что стали видны все его оставшиеся зубы.

– Кто-о-о?– заорал Хрюкин.

– Хрен в пальто,– ответил капитан и рассеялся, а перед глазами Артура появилась другая картинка. Уже знакомые ему немцы – Генерал-фельдмаршал и рядовой, идущие по подземному коридору. Вскочил Хрюкин с коробок, мокрый от пота и прислушался, затаив дыхание. И услышал голоса. Подкравшись к дверному проему, он выглянул осторожно и увидел этих немцев проклятуших наяву. Они стояли у лифта и о чем-то разговаривали. Хрюкин спрятал голову и опять перестал дышать.

– Где этот крендель? Нужно прочесать все помещения,– сказал один из немцев.

– Может "Троянов" привлечь?– откликнулся второй.

– Да тут шесть этажей всего и маленькие они. Пробежимся по-быстрому сами. По десять минут на этаж,– ответил ему первый.– Заодно взглянем, что тут за припасы. Может, что-нибудь новенькое для себя увидим. Давай, ты левую сторону, а я правую.

– Дай покурить, Миха, что за манера погонять,– проворчал второй.

– Кто погоняет? Кури,– ответил первый.

Хрюкин понял, что сейчас эти двое его обнаружат и церемониться не станут. Его догадку подтвердила услышанная фраза, сказанная вторым немцем.

– Найдем, пинка под зад этому Хрюкину и домой,– Хрюкин совершенно бесшумно опустил дверное полотно вниз, и мысленно бормоча: – "Только бы не услышали",– на цыпочках порысил к вещмешку. Напихав в него упаковок с мясом, хлебом и борщом, он заметался по складу, подхватив рюкзак увесистый и схватив канистру с водой, бормоча:

– Куда, куда?– на этаже продовольственном, на складах он обнаружил санитарные зоны и уже пользовался этими помещениями,– Может и здесь есть?– Хрюкин побежал в дальний конец склада и обрадовался, увидев дверь, ведущую явно в сан. узел. Была она самой обыкновенной на вид. Филенчатая и окрашенная отвратительной зеленой краской. Точно как у них в Москве. Но Хрюкина это не удивило. Приходилось ему видеть двери и похуже. Схватившись за ручку-скобу, он дернул, и дверь открылась опять же самым обыкновенным образом.

– Уборная,– обрадовался Хрюкин, которому в это помещение необходимо было попасть не только для того чтобы спрятаться. Затаившись на унитазе, Хрюкин следующие полчаса, буквально дышал через раз, прислушиваясь, не послышатся ли шаги. И дождался, послышались. Кто-то шел в сторону дверей, за которыми он затаился. Дверь находилась в самом углу и ее загораживали стеллажи, поэтому Хрюкин, замер, думая панически: – "Только бы не заметил, только бы не заметил",– и ему снова повезло, кто-то из "немцев" не дошел метров пять и дверной проем не увидев, повернул обратно. Если бы Хрюкин не был атеистом, то перекрестился бы. Но он не знал, какой это рукой делают верующие и креститься не стал. Пробормотал едва слышно: – "Слав тебе",– не уточняя кому.

Просидев в санузле часа три и успев проголодаться Хрюкин, взглянув в очередной раз на часы, которые достались ему в память о покойном капитане НКВД, решил наконец-то выйти из своего убежища. Тем более, что света в нем почему-то не было и сидеть в темноте ему стало маятно. Хорошо, что часы у капитана оказались со стрелками светящимися. Высунув нос в щель, Хрюкин прислушался. Вокруг было темно и тихо. Немцы ушли и выключили свет, который сам Хрюкин выключить забыл. Кромешная тьма, в которой нужно идти к выходу, не особенно обескуражила Артура, так как у него в кармане брякал спичечный коробок с пятью оставшимися спичками. Достал, чиркнул и открыл рот изумленно. Помещение склада на всем видимом ему расстоянии, оказалось пусто. Чтобы дойти до входной двери и включить свет Хрюкину понадобилось всего три спички. А когда он его включил и убрал в карман на рукаве комбинезона коробок со спичками двумя оставшимися, то перед его глазами предстало абсолютно пустое складское помещение. "Немцы" прибрали даже стеллажи.

– Вот гады,– прошептал Хрюкин, не решаясь открыть дверь в коридор.– А вдруг они сейчас из других помещений барахло перетаскивают. Нарвешься и получишь пинка под голый зад,– рассудил он и присел прямо на пол перекусить. Перенервничавшему Артуру особенно хотелось есть. Сбегав за канистрой с водой, которую оставил рядом с санузлом, он вернулся назад и, утолив голод с жаждой, буквально подполз к входной двери. Долго прислушивался, гадая, хорошо ли дверь эта задерживает звуки. Поскреб ее, постучал легонько и шепотом напев нужные мотивы, слегка приподнял полотно. Щель сантиметровая зачернела, и Хрюкин смело поднял ее до конца. "Немцев" в коридоре не было. Ушли и свет погасили. А дальше удар последовал один за другим. Проверка складов показала, что "немцы" оказались шустряками, и вымели из них все под метлу. Пустые помещения, отзывались звонким эхом, повторяя про-

клятья Хрюкина, которые он рассыпал уже в полный голос. Остановившись перед последней дверью, Артур прижался к ней лбом и простонал:

– Хоть бы за этой чего из жратвы осталось, – в голове его мельтешили картинки с упаковками мясными и борщовыми, и почему-то мешки с солью. Все таки недосоленное мясо было в "кастрюльках" и организм, надо полагать, сетовал визуально на это обстоятельство, – хоть бы сухарей мешок еще найти бы, – размечтался Хрюкин, боясь думать о свежем хлебе, чтобы не так было потом обидно. Вскрыв дверь, и свет включив, он чуть не зарыдал от радости, увидев пару стеллажей, заполненных коробками. А рядом с ними стояли два мешка и, надпись на них гласила – "Соль".

Распотрошив коробки и убедившись, что в них мясо крокодилы и борщи, Хрюкин пере считал "кастрюльки" и понял, что на пару недель пропитанием обеспечен.

– Сволочи, – прошептал он. – Съем, а потом что? – мысль эта неприятная, омрачила радость от находки, но следующая более оптимистичная, слегка взбодрила: – Нужно все тщательно проверить. Не может такого быть, чтобы здесь не было лестницы обыкновенной между этажами. Так не бывает. А если, к примеру, лифт сломается. Тогда как? – рассуждал Хрюкин, сидя на коробке и хлебая горячий борщ. Хлеба, правда, он не нашел, зато обнаружил за мешками с солью свой мешок с сухарями. Зачем "немцы" его туда сунули, Хрюкину было непонятно, и ломать голову над этим он не стал. Сунули и сунули. Грыз сухари закаменевшие и наслаждался свежим борщом.

– Козлы. Золота семьдесят тонн было, – вспомнил Хрюкин о потерянном своем состоянии и всхлипнул. – А на других этажах тоже все подмели? Может вот сейчас все и вытаскивают? Гады. Эх. Рер этот, тоже козел еще тот. Куда пропал? А эти козлы, ушли уже или нет? – бормотал Хрюкин, доедая горячее жаркое и запивая его водой из канистры. Вода уже не была ледяной и по-прежнему отдавала бензином, но сейчас Хрюкину и вовсе было не до жиру. Хорошо, что хоть такая пока есть.

А "козлы-немцы" в это время уже были далеко. А перед этим, пройдясь по этажам и не обнаружив на них Хрюкина Артура Макаровича, они спустились на нижний этаж и, убедившись что "жезл" им изъят, принялись за очистку помещений. На полушубок Хрюкина наткнулся Михаил и, пнув его ногой, высказал предположение, подошедшему Сергею.

– Переоделся в комбинезон. Если у него есть хоть малейшая возможность входить в контакт с Рерюфом, то чешет он сейчас отсюда куда-нибудь в Австралию или Америку. Там его обучит Рерюф, и тогда получим мы головняк такой, что Адольф покажется голубем сизокрылым.

– Запутал ты меня, Миш. Что значит получим? Когда? Уже должны были получить, на то уж пошло. Хапнул же этот Хрюкин "жезл".

– Хапнул, но пользоваться им не умеет. Что-то помешало ему, – Михаил поднял грязный полушубок Хрюкина, брезгливо сморщившись, встряхнул и из кармана выпал прозрачный цилиндр. – Опа! А это что? Не трогай руками, Серый. Не "жезл" ли это и есть? По описанию похож, – Михаил присел на корточки и принялся разглядывать выпавший предмет. Провел над ним ладонью и попробовал приподнять в воздух. Цилиндр не подчинился, не пожелав левитировать и Михаил, распрямившись, утвердительно кивнул: – Он. Скорее всего, что этот Хрюкин и сам не понял, что попало ему в руки. Переоделся в комбинезон и куртку новые, а стекляшку непонятную оставил в полушубке. Вот золота наверняка в карманы напихал.

– Что делать с "жезлом" будем? – спросил Сергей, хмурясь.

– Вернем на место. Руками только трогать не будем. – Михаил отломал от контейнера пластикового две пластины и, прихватив ими прозрачный цилиндр, как пинцетом, отправился на нижний этаж. Здесь он уложил его в ларец и вернул на столик. Дверь запер и двумя взмахами, воздвиг вокруг имеющегося цилиндра еще один сапротидный, но без дверного проема – монолитный.

– Надеюсь, что теперь его никто не возьмет в руки никогда.– Поделится он с Сергеем своей надеждой.

– Сапротид конечно материал авторитетный и все такое, но я например его вскрыю. Значит, нет абсолютной гарантии,– плеснул тот ложку дегтя.

– Может весь уровень залить сапротидом?– задумался Михаил.

– Залей. Его, кстати, здесь припасено тонн сто.

– Пошли,– Михаил вернулся к лифту и, поднявшись с Сергеем этажом выше, сообщил ему: – Сто все и влепил. Пусть лежат. Смотри, вон и фигурка стоящая на коленях погасла совсем. Обесточился этаж,– Михаил провел рукой по эллипсу и "стоящий на коленях" исчез. Пустой сегмент треснул и обсыпался на пол мелким крошечным пластиком.

– Все. Нет этажа. Пошли, приберемся, чтобы не искушать тех, кто сюда случайно, теоретически попасть может в будущем, да домой пора.

– А Хрюкин? С ним что?– напомнил Михаилу Сергей.

– Без "жезла" он пустое место. Может как-то и проявится это у него, в виде хвастовства, например – связь эта. Но одно могу предсказать точно. Долго этот Артур теперь не проживет. Максимум – лет десять. Заплатит жизнью за эту связь.

– Знать не будет о связи, а заплатит? Не справедливо как-то,– посочувствовал Артуру Сергей.

– Не справедливо? Возможно. С точки зрения покупателя, получившего вещь и не воспользовавшегося ей. Не нам с тобой судить, Серега. Может "бодливой корове Бог рог не дает"? Хрюкин этот без посторонней помощи станет мелким деспотом в семье, в худшем случае для него. В лучшем – в начальники мелкие выбьется. Ленив уж больно и без инициативен.

– Ну, не скажи. Вон как шевелился в последние месяцы,– возразил Сергей.

– Обстоятельства прижали. Все само собой, самотеком пошло у него. Он просто плыл по течению. А потом, судя по всему, по поступкам его последним, у него появился СОВЕТЧИК временный – Рерюф. Только не успел он его просветить, как следует. К "жезлу" привел, но использовать хотел в своих целях. Втемную. А потом связь прервалась и теперь Хрюкин Артур Макарович прячется. Возможно, что еще где-то здесь на этажах. Нужно вычистить их и проверить каждый угол. Хотя он может на инстинкте самосохранения, присесть в любом углу и мы с тобой мимо пройдем, не заметив.

– Хорошо, зачищаем этажи от барахла. Потом посмотрим,– согласился с Михаилом Сергей.

На полную зачистку у них ушел еще час и, поднявшись наверх, они завалили входной зал скальной породой.

– Не жаль тебе его, Миш?– спросил Сергей уже стоя на русле Колочи.

– Его там визуально не было. А если он сообразил от нас спрятаться, то выберется. Дерьмо не тонет, Серега.

– Домой?

– Куда же еще? Я оставлю здесь команду Фили, пусть все же присмотрят за окрестностями месячишко другой. Ну а нам-то, что здесь делать? Наши наступают, немцы бегут. Поехали.

Глава 5

Продуктов Хрюкину хватило ровно на десять дней и все это время он занят был тем, что простукивал стены, разыскивая тайный проход, который, по его мнению, где-то должен был быть обязательно. Обстучав все стены, он остановился у последней не обследованной им и прошептал.

– Последняя. Наверняка здесь и найду, больше нигде быть выходу на лестницу,– Хрюкин вспомнил свой дом в Москве, с облупленными стенами на лестничной площадке.– Здесь то наверняка камнем мраморным выложена,– предположил он и принялся за работу. Обнаружив проход почти сразу, Хрюкин прослезился на радостях и дверь, уползшая вверх, подогнанная так искусно, что и швов он не разглядел, когда в стену эту барабанил, совершенно его не удивила. Хрюкина вообще уже ничто удивить здесь не могло. Так он думал. Однако удивился, увидев, что стены на лестничной площадке оказались, как он и предполагал, облицованы мрамором. Точь, в точь как в Московском метрополитене. А вот ступеньки на лестнице были обычными – бетонными и выщербленными так, что у них в Москве на лестнице, выглядели, пожалуй, поцелее. Перила тоже оказались обшарпанными и закреплены были на чугунных балясинах, выкрашенных в ядовито-зеленый цвет. Краска эта, по-видимому, пользовалась популярностью не только у московских коммунальщиков, но и у строителей этих подземных этажей тоже.

– Дерьмовый цвет. Какой мудака только его изготавливать распоряжается,– покритиковал мимоходом колер Артур и поднялся этажом выше. Дверь оказалась на своем месте и уползла без проблем вверх, так что он оказался на этаже и кинулся к первой же двери ближайшей складской, бормоча:

– Может не все выгребли, сволочи. Пожрать бы чего сейчас,– Артур с самого утра ничего не ел.– Хоть бы сухарей найти мешок, пусть хоть с плесенью и воды,– вода у Артура тоже закончилась, так как в первые дни заточения он пару раз умылся и потратил ее, таким образом, не по прямому назначению: – Полная канистра была,– вздохнул Артур.– Найти бы еще канистру, пусть хоть и теплой, хоть какой,– размечтался он, облизнув пересохшие губы,– простучав дверь и подняв ее, он от радости чуть не лишился чувств. У входа стояла канистра зеленая. Облупленная, но полная воды. Артур упал на колени перед ней и присосался к струе, проливая мимо рта на пол, жалел пролитую и глотал, глотал, глотал. Пока в глазах не потемнело. Уровень воды в организме превысил все допустимые нормы и готов был выплескиваться, казалось уже через уши. Только тогда Артур оторвался от канистры и сплюнул. Привкус бензиновый присутствовал и в этой воде. Погладив надувшийся живот, Артур огляделся и увидел мешок, стоящий от него в двух шагах. Дерюжный, здоровенный мешок. Почти как тот размерами, что Артур в рюкзак себе сунул. Только тот пустой, а этот, судя по торчащим углам, чем-то набит под завязку. Артур развязал тесемки и заорал победно и радостно. Мешок оказался с сухарями. Добротными, ржаными. Их, правда, уже местами подбило плесенью, но голод не тетка и лучший повар, так что Артур тут же и перекусил, ухозячив треть мешка. Только за ушами трещало. Ну а уж когда принялся рыться и обламывать заплесневевшие места с сухарей, то остановил сам себя.

– Нажрался? И зажрался, роешься, брат Хрюкин,– в последнее время Артур начал разговаривать сам с собой и это его сначала пугало, но потом он привык и произносил иногда целые монологи, длинные и противоречивые. Похоже, что у него началось раздвоение личности, так как он спорил сам с собой, возражая и даже оскорбляя собеседника... т. е. себя самого. Хрюкин так запутался в этих двух своих личностях, что иногда обижался на нанесенное ему оскорбление, а иногда злорадствовал. И над кем? Над самим собой получалось:

– Вот сволочи и здесь все вымели, гады,– вспомнил он "добрым" словом "немцев" и, оглядев уныло пустое помещение, отправился к следующей двери, хоть его и клонило в сон после обильного обеда.

– Сейчас бы в постель и поспать часиков десять,– размечтался Хрюкин.– Интересно, почему я нигде не встретил спален? Ведь должны же были люди здесь работавшие, где-то харю к подушкам прижимать? Правда, я не на всех этажах побывать успел, может не нашел просто. Вот в этом складе я точно не был. Может это спальня и есть? Немцам-то кровати наверняка не нужны и оставили, если нашли. Им золото подавай. А стеллажи вынесли козлы. Эх. Хоть бы одну кровать найти бы. Спать охота, сил нет,– Хрюкин снова зевнул с визгом и принялся стучать в дверь, подвывая в унисон звукам. И в этом складе ему опять повезло. Просто как по заказу, посреди огромного помещения стояла солдатская кровать с панцирной сеткой. И даже матрас с простыней и подушкой на ней лежал, скрученный рулоном.

– Во как!– обрадовался Хрюкин и, перетащив мешок с сухарями и канистру с водой, тут же и прилег на кровать, скинув валенки. Дверь все же прикрыл на всякий случай, вспомнив предупреждение Рера о мелких грызунах, которых следует уничтожать. Грызунов Артур с детства не любил и, завернувшись в одеяло, пробормотал, засыпая:

– Крысы, мыши, бр-р-р,– проснулся Артур бодрым и, взглянув на часы, убедился, что проспал ровно десять часов.

– Ни фига себе, всхрапнул,– Артур потянулся и, сбегав в туалет этажом ниже, позавтракал. Сухари с водой шли на ура. Организм молодой радостно их усваивал и Артур, работая челюстями, попытался составить план дальнейших мероприятий.

– Выбираться надо как-то из этих подвалов наверх,– пришел он к ясному решению.– Сухарей надолго ли хватит? Найду ли еще чего съестного? Это вряд ли. Нужно подняться наверх по лестнице. Может там еще люк есть запасной и выход в какую-нибудь пещеру. Не может быть, чтобы не было, наверняка есть. Только лопату нужно найти обязательно. Без лопаты никак. Значит, сперва наверх, найти выход, а потом за лопатой. Или сначала за лопатой? За лопатой, чтобы туда-сюда не ходить сто раз. Сухари с собой и полушубок тоже взять надо. Кто знает это пальто. Может оно не греет ни хрена. Коротковато опять же,– размышлял Хрюкин, запивая водой сухари. Десятка три монет оттягивали карман комбинезона и будущее не казалось ему таким уж скверным. С его-то головой сообразительной он нигде не пропадет, выбраться бы ему только из этого места бесполезного. Барахлишко свое Артур собрал в течение часа, заглянув на этажи знакомые. Нашел и лопатку саперную и полушубок свой, брошенный. Проверил попутно, десяток помещений складских, но, как и предполагал, ничего в них кроме пыли не обнаружил. Вымели "немцы" все имущество дочиста. Ничего не оставили. Хрюкин плевался, но на нет и суда нет, как говорится и он, смирившись, принялся собираться. В мешок, который в рост человека, переложил сухари, завязав узел из оставшейся ткани и сплетя из торчащего хвоста жгут, удачно привязал его к углу мешка. Получилась ляжка. Перекинув ее через плечо и подхватив в руки рюкзак, полушубок и канистру, с флягой и лопатой на поясе, Хрюкин пыхтя, полез по лестнице вверх. Ступени кончились, как и положено на восьмом этаже и Хрюкин остановился перед деревянной дверью, запертой на висячий амбарный замок. Такие же точно двери он видел на московских чердаках. И замок ржавый его не удивил. Каким еще он быть должен? Висел замок к счастью на "соплях" и сорвать его с петель гнилых не стоило больших усилий. Пнул Хрюкин его носком валенка и отлетел замок в сторону, загремев по бетонной площадке.

– Эх, спичек-то всего две штуки осталось,– посетовал Хрюкин, дернув на себя дверь и отскакивая инстинктивно в сторону. За дверью оказался насыпной грунт, и он сполз под ноги Хрюкину, черный и пахнувший прелой травой.

– Да-а, придется поработать,– вздохнул Хрюкин горестно.– На входе я полз метров пятьсот и все под уклон, но там хоть не засыпано было. Может и тут не много ковырять придется.

Только как без спичек-то? Ох, дурак, я дурак. Фонарь же есть внизу,— Хрюкин сбросил с себя поклажу и помчался прыжками вниз, будто боялся, что фонарь кто-то успеет спереть. Украсть фонарь ни кто не успел и "немцы" на него тоже не позарились, так что Хрюкину опять повезло. Правда, открыв склад, в котором оставил фонарь, он заметил промелькнувшую в отдалении крысу и вздрогнул испуганно. Уж больно крупная прошмыгнула, с кошку. Поэтому Хрюкин задерживаться не стал на этаже, а двери за собой запер самым тщательным образом. Гоняться за крысой, чтобы убить ее, он, разумеется, не стал. Мало ли что там лязгал языком Пер. Хрюкин представил, что он, размахивая саперной лопатой, гонится за крысой и сплюнул с омерзением: — "Пусть их тут хоть сотня появится. Этых крыс и мышей. Лишь бы ко мне не лезли",— подумал, поднимаясь вверх по ступеням. Писк, раздавшийся внизу, отвлек его от мыслей и он, повернувшись, с ужасом увидел именно не меньше сотни этих грызунов, выплеснувшихся на ту площадку, которую он только что пересек. Озноб пробежал по спине Артура, а ноги стали ватными: — "Убежать не успею",— подумал он, тем не менее, поудобнее перехватывая фонарь, сжав его обеими руками до хруста в пальцах. Но стая крысино — мышиная, бросаться на него не спешила, пища о чем-то своем на площадке. Свара началась между особями, грызня и визг с писком такой, что хоть уши затыкай.

— Тьфу, на вас,— плюнул, пришедший в себя Хрюкин и, отломав едва держащиеся перила, швырнул их в мельтешащую, серую зыбь: — Пошли прочь,— заорал он. Перилина упала, прибив несколько грызунов, и их будто ветром сдуло с площадки. Посыпались в лестничный пролет и потекли вниз по ступеням. Трусливыми оказались чрезвычайно: — Тьфу, ты,— сплюнул им в след Хрюкин и побежал вверх, решив, что такие крысы и мыши ему не опасны. Но он недооценил навязчивость и природную любознательность этих зверьков. Поползла стая следом, держась на безопасном расстоянии.

— Ну и хрен с вами,— плюнул еще раз в их сторону Хрюкин, добравшись до верхней площадки и увидев всю стаю копошащуюся на площадке межэтажной. Выше грызуны подниматься не осмеливались и Хрюкин, понаблюдав за ними, сел перекусить. Подкрепившись сухарями, он швырнул вниз пару штук и крысы устроили из-за них настоящую бойню. Шерсть летела клочьями. И в результате поголовье грызунов резко сократилось. Остался десяток от силы, но самых крупных. Эти сражались насмерть, вгрызаясь друг другу в глотки, и в результате конечном осталась пара. По крысе на сухарь. Сожрав добычу, победители не спеша уползли по ступеням вниз и Хрюкин, наблюдающий за схваткой крысиной, облегченно вздохнул. Такой бойни ему видеть пока не доводилось, и она потрясла его.

— Ни хрена себе,— бормотал он, ковыряясь лопатой в земле и сбрасывая ее в лестничный пролет. А грунт сыпался и сыпался из дверного проема, и казалось, что его снаружи кто-то равномерно подбрасывает. Поработав часа три и углубившись всего на пару метров, Хрюкин снова присел перекусить и смочить пересохшее горло. Взглянув вниз, он изумленно протер глаза. Площадка опять была заполнена крысами. Глазки-бусинки их сверкали, а носы шевелились, принюхиваясь.

— Да сколько же вас тут развелось?— заорал Хрюкин, швырнув в крыс опять сухарь. Выбрал самый заплесневевший. И бойня крысиная повторилась, но теперь победитель остался один и схрумкал сухарь с завидным аппетитом. Сожрал и уполз по ступеням, волоча за собой длиннющий, голый хвост.

— Вот зараза,— не удержался от реплики Хрюкин и взялся за лопату. Греб и швырял вниз грунт он так яростно, что продвинулся за полчаса еще на пару метров и почувствовал, что сверху потянуло сквозняком. Посветил фонарем и радостно улыбнулся. Между верхним сводом и грунтом явно просматривалась щель. Ткнув туда лопатой, Артур увеличил ее втрое и принялся расчищать с еще большим энтузиазмом, швыряя землю за спину. Еще полчаса и он стоял перед открывшимся тоннелем, по которому можно было перемещаться согнувшись. Тоннель под уклоном уходил вверх, загибаясь вправо и Хрюкин, присев на дорожку, переку-

сил опять. Взглянув на нижнюю площадку, он не поверил своим глазам. Крыс на ней копошилось опять не меньше сотни. Сухари в них швырять Артур не стал, пожалел. Швырнул лопатой землю, крикнув: – Пошли вон отсюда, – и крысы, перепуганные летящей в них землей и криком, посыпались с площадки. Очистили ее буквально за считанные секунды. – И чтобы я вас больше не видел, – проорал им вслед Хрюкин, будто крысы могли понять его. Появятся они снова или нет, Артур проверять не стал. Расчистил пространство от земли, чтобы она не мешала закрываться дверям и перенес свое имущество в туннель, дверь захлопнул. Вошла она в проем плотно и он плюнув с омерзением, вспомнив крысиную потасовку, повернулся и побрел, согнувшись прочь от них. Пройти теперь пришлось гораздо больше чем на входе. Хрюкин считал шаги и досчитав до трех тысяч, увидел впереди свет. Он устал идти согнувшись, да и поклажа все же не добавляла комфорта, так что и на радость сил у него уже не осталось, тем более что там – на воле, его ждала неизвестность. Но потекший на встречу свежий воздух холодный, вдыхал с удовольствием. Добрел, выглянул и понял, что вышел удачно – в лесу. Вокруг стояли заснеженные деревья и мороз опалил щеки, но он-то как раз Хрюкина не пугал. Ему главное было теперь дожидаться темноты и выйти к любой деревне.

– Главное, не нарваться сейчас на немцев. Злые они, потому что отступают, – высказал он вслух свои мысли и развел костер, натаскав в туннель хвороста. Разогрел в котелке воду, удачно израсходовав на разведение костра всего одну спичку и похвалив себя за умелость и удачливость:

– Да ты, брат, становишься прямо настоящим таежником, – Артур грыз сухари, запивая их кипятком из котелка и вытирая слезы, которые текли от дыма, попадающего в лицо, размышлял над тем, куда ему направить свои стопы:

– Жаль, что лыжи оставил на входе, – вспомнил он о брошенном неосмотрительно инвентаре спортивном, самолично выструганном. – Сейчас бы мне они в самый раз пригодились. Придется брести по пояс в снегу теперь. Хреново. Забрел бы кто сюда из местных с парой запасных, так я бы ему и монету за них не пожалел бы, – вздохнул Хрюкин тоскливо и подумал, глянув на светящийся едва видимо при дневном свете факел: – «Хорошая вещь, только непонятная. Покажешь если кому, то вопросами замучают. Почему светит, а не греет? Оставить придется здесь, не таскать же с собой его», – подумал и швырнул факел как можно дальше в туннельный мрак. Факел упал и осветил штольню метров на пятьдесят в глубину: – «Нужно погасить», – подумал Артур и нехотя, с кряхтением поднявшись, отправился к факелу: – «Это кто здесь все это рыл и зачем?» – Задал он сам себе вопрос и, вздохнув, сам себе же мысленно и ответил: – «Метрострой, наверное ковырялся. Только наспех видать ковыряли, по весне земля оттает и все тут обвалится. Вон уже комки сыплются», – Хрюкин поднял факел, погасил его и в наступившем полумраке поковырял ручкой низкий свод. Свод, при свете факела выглядящий не совсем надежно, в сумраке этом и вовсе повел себя отвратительно, посыпавшись камнями и глыбами мерзлыми к ногам Артура: – Засыплет еще на хрен тут, – подумал он, поспешно отскакивая от валящегося на голову грунта и вовремя это сделал, потому что вслед за мелкими кусками, посыпались более крупные, чуть не сбив его с ног. Хрюкин выронил факел и помчался к выходу, подгоняемый в спину ударами падающих на нее мерзлых валунов:

– «Зараза, успеть бы ноги унести», – промелькнула в его голове мысль, и он выскочил из пещерки, успев подхватить свое барахло. Однако обвал так внезапно начавшийся, так же внезапно и прекратился. Очевидно, промерзший грунт ближе к выходу сковало морозом качественно и Артур, облегченно вздохнув, вернулся в штольню, которая превратилась теперь в пещерку.

Костерок продолжал кадить, и Артур присел рядом с ним на рюкзак, предварительно оглядев внимательно пещерные своды: – «Здесь вроде устойчивые», – подумал, хлопав по заиндевевшему своду ладонью. Свод проверку на прочность выдержал и Артур, совершенно успокоившись, полез в рюкзак за сухарем. Полез и замер, услышал шелест ветвей кем-то раз-

двигаемых. Осторожно высунувшись из прорехи туннельной, удачно расположенной, между огромным валуном и вековой сосной, Хрюкин увидел мужчину в ватнике и на лыжах, шустро пересекающего полянку в его направлении. Очевидно, дым приметил. Вооружен мужчина не был – это Хрюкин отметил в первую очередь автоматически, а за спиной у него висел мешок с чем-то. Убегать или прятаться Хрюкин не стал, посчитав, во-первых, это бессмысленным, а во-вторых, – человек приближающийся не показался ему опасным.

Вылез на встречу сам. А через пять минут уже угощал нежданного гостя кипятком и сухарями. Оказался из соседней деревни мужик. Даже уже дед, пожалуй. Но жилистый и вполне бойкий еще, однако, возраст свое брал, пробившись в седине и покрыв морщинами продубленную морозом кожу. Звали деда Прохором, и на язык он оказался тоже боек, назвав Хрюкина сразу "солдатиком".

– Ты чей-то тут, солдатик?– спросил он, поздоровавшись.– Аль из армии сбег?

– Нет, дед Прохор, не сбег, а потерялся. Часть моя отступала, ну я и заплутал в лесах здешних. Вот выбираюсь к своим.

– Эт куда? На восток, аль на запад?– Прохор грыз сухарь, поблескивая глазками в паутине морщин.

– На восток, само собой. Что мне у немца-то делать? По шее получил, теперь до Берлина драпать будет.

– Дай-то Бог, дай-то Бог,– поддакнул ему дед.– Ну, так и че сидишь здесь тада? У нас в деревне батальон стоит саперный. Хошь, провожу, солдатик?

– Я не сапер, отец. Я артиллерист. Мне бы в Можайск, в военкомат.

– Ну, солдатик... Можайск. До Можайска десять верст,

ежели напрямки лесом, а ежели дорогами, то все пятнадцать, потому как с крюками оне. Дойдешь ли, солдатик? Я вон сбегал с утра к сватье, отнес ей свеклы да картошки прошлогодней. Хочь морожена, а все ж... А у ней, стало быть, мукой аржаной разжилси, так это я местный и кажный пень тута знаю. И то заблукал малость. Вот этот каменюка откель, не помню. Может, дождем осенним вымыло. Берлогу опять жа вот эту никогда тута не видал. Будто леший водил последние полчаса по лесу. Теперь-то вижу, что вон моя деревня и, стало быть, дом родной. Дома, токма теперича, нету. Сгорела хатенка, так что в подполе с внучатами зимуем. Бабка опять же моя преставилась ноне, царствие ей небесно,– дед Прохор, снял шапку и перекрестился.– Эх. Беда.

– Ничего, я молодой, пройду по дороге. Вы мне только укажите в какую сторону идти,– попросил Хрюкин.

– Эт мне не жалко,– дед взял сучек и принялся чертить план местности на земле: – Вот это дорога железна. Мы здесь. Это шоссейна дорога. Выйдешь к ней здесь. Напрямки если, то на студену сторону верст пять, а опосля уж прямо до Можайска, десять верст. Только без лыж ты, солдатик, на первой версте вымрешь.

– Так может вы мне свои уступите?– спросил Хрюкин, мысленно уговаривая деда:– "Уступи, помоги".

– Так ить мне, солдатик, не жалко. Лыжи-то бросовые, самоделы, но мне тут самому еще пару верст телепать, так что и не знаю.

– Я заплачу. Вот,– Хрюкин вытащил из кармана золотую монету.– Золото.

– Эк, солдатик, да на кой мне оно? Куда с ним? Вот как бы ты к примеру что из вещей предложил, аль из продуктов.

– С продуктами плохо,– честно признался Хрюкин.– А вещь... Вот полушубок хотите? Он ношенный, но целый.

– Полушубок – это хорошо, но...– Дед Прохор, макнул ржаной сухарь в кипяток и откусив от него размякший кусок, принялся жевать неспешно.

– Что? Хотите, еще соли чуток отсыплю. У меня есть пару кило. Половину отдам,– Хрюкин похвалил себя за хозяйственность и поругал за то, что взял соли мало.

– Со-о-о-оль,– повеселел дед.– Че молчал, солдатик? Кило соли говоришь? Давай в придачу и забирай доски.

Договорившись и ударив с дедом по рукам, Хрюкин отсыпал ему соли и через десять минут уже шлепал в сторону железной дороги. Мешок с сухарями уменьшился заметно и Артур сунул его в рюкзак. Канистра мешала очень и руку оттягивала, так что подумав и очень жалея, он ее все же бросил, решив, что теперь если что, то и снегом обойдется. Лес стоял не сплошной стеной, прореженный войной, с горелыми паднями и луговинами заброшенными, так что двигался Хрюкин на север довольно бойко. Пересек через пару километров железную дорогу, а через три еще засветло, вышел к шоссе. Движение по ней было на удивление интенсивным и Хрюкину, удалось уговорить водителя полуторки, везущего с фронта пустые ящики из-под снарядов, подбросить его до Можайска, посулив ему сухарей.

– Садись, коль так,– согласился ефрейтор, у которого в кабине никого за старшего не оказалось. Об этом его и спросил в первую очередь Артур невзначай.

– Под аэроплан фрицев попали, зёма,– ответил просто ефрейтор.– Только от фронта отгрел и тут нате. Как врезал из пулемету. Она, глянь,– в кабине, прямо над головой Хрюкина виднелось несколько свежих пулевых пробоин.

– Младшему лейтенанту прямо в голову. В кузове лежит,– ефрейтор зевнул и поинтересовался в свою очередь, кивнув на разноцветный рюкзак.

– Сидор, смотрю, занятный у тебя, земля. Откуда взял?

– Обменял у союзников на мыло,– брякнул Хрюкин первое что пришло в голову.

– Эт каких союзником? Мериканов? И где это ты их встретил, зема?

– Известно где. На фронте. Приехала к нам делегация от них.– На голубом глазу ответил Хрюкин, пристраиваясь поудобнее.– Вот и форму выдали чтобы, значит, их встречать, черную. Там у них одни негры были, ну и чтобы, значит, их уважить под цвет их рож выдали.

– Здоров ты погибать, земля,– рассмеялся ефрейтор.– Как звать-то тебя, трепач?

– Артуром зовут,– назвал свое имя родное Хрюкин.

– А я Иван. Держи клешню. Давно такого вруна не встречал. Сыпь дале, про негров мериканских.

– Не веришь? Твое дело,– Артур пожал руку протянутую и, развязав мешок, высыпал сухари на свои колени.– Угощайся, Иван.

– Что-то они у тебя все с плесенью,– сморщился тот, но сухарь все же цапнул и грызть начал с энтузиазмом.

– Сыро нынче, вот и плесень. Летом подсохнут,– махнул рукой Хрюкин.

– Ты их до лета с собой таскать собрался?– хохотнул ефрейтор.

– Эти? Эти я тебе за проезд презентую, а те которые подсохнут летом, летом и будут.

– Чего ты мне этими сухарями сделаешь? Что за слово иноземное, ну-ка повтори-ка,– заинтересовался водитель.

– Подарю – значит. Презент – подарок. Презентую. Русское слово вполне. С чего ты взял, что иноземное?

– Уху не привычно потому что. Презентуешь? Такие-то че не презентовать? Я вон чуть зубы не сломал, пока разгрыз. Каменной прочности сухари, хоть и с плесенью.

– А больше у меня нет ничего. Так что чем богаты, тем и рады, Вань. Вот приеду в Можайск, там чем-нибудь разживусь. Встану на довольствие.

– От Можайска одно название осталось нынче. Я вчера проезжал через него,– сообщил ефрейтор, засовывая в рот второй сухарь с плесенью.

– Знаю. Но не весь же разрушен. Есть и целые дома. Приткнусь где-нибудь, при какой-нибудь вдове,– подмигнул Артур ефрейтору и тот, не поняв шутки, вдруг резко затормозив,

заорал: – А ну вылезай, шкура, к чертовой матери. Там люди под пулями загиваются, а он по вдовушкам мастак. Выметайся, сволота,– и, распахнув настежь дверь фанерную, вышиб Артура тычком ноги из кабины. Хрюкин и сказать-то в свое оправдание ничего не успел, а полупорка уже фырчала впереди метрах в пятидесяти, увозя в своем кузове, ящики пустые снарядные, убитого младшего лейтенанта и лыжи Артуровны – стоимостью в полушубок и кило соли.

– Сам ты сволота,– крикнул Хрюкин запоздало вслед удаляющемуся автомобилю.– Чтоб тебя разбомбило, припадочного!– крикнул он, обнаружив, что остался без лыж.– Гад!– сумерки сгущались, мороз крепчал и Хрюкин побежал в сторону Можайска, прикинув, что до него осталось километров пять. Впереди послышались взрывы и над его головой пронеслись немецкие "штукасы", с воем, от которого волосы на голове у Хрюкина зашевелились. Прыгнув в кювет снежный, он пролежал, закрыв голову руками несколько минут, пока не перестала вздрагивать земля от разрывов и поднялся, предварительно оглядевшись, на четвереньках. Самолетов больше видно не было. Да и темнело на глазах, так что Артур поднялся и, собрав свой скарб, двинулся в путь. Пройдя пару километров, он увидел лежащую на боку полупорку, опрокинутую взрывом. Она показалась ему знакомой и, поравнявшись с ней, Хрюкин убедился, что это именно та самая, которой управлял ефрейтор-псих. Ящики снарядные из кузова высыпались, покойник-лейтенант тоже лежал рядом с кузовом, скрючившись, а вот лыжи Артуру на глаза не попадались. Наконец он их нашел метрах в двадцати от шоссе. Отбросило при взрыве. Совершенно не поврежденные, они опять вернулись к нему. Нацепив лыжи на валенки, Хрюкин вспомнил про ефрейтора и обойдя полупорку, увидел водителя лежащим у колеса. Будто ефрейтор хотел под ним спрятаться, но не успел. Лежал он лицом вверх и изо рта у него торчал прикушенный зубами сухарь. То, что водитель мертв Артур понял сразу, так что и подходить к нему, щупать пульс, не стал. Шапку снял, постоял десять секунд и пошел дальше, в сторону Можайска, до которого осталось всего ничего. Расстояние оставшееся он прошел быстро, даже не пытаясь останавливать транспорт, который в основном шел в сторону фронта. Город встретил Артура шумом автомобильных и танковых двигателей и интенсивным перемещением в строю военных. Черные развалины громоздились вокруг, ефрейтор покойный оказался прав, досталось городку на все сто процентов. Прокатившийся через него дважды фронт не пощадил ни одного дома. Сплошные руины оставил после себя. Присмотрев огонек, мелькнувший из подвального оконца одного из разрушенных домов, Хрюкин попытался пробраться через завалы бревен и кирпичей, но дважды наткнувшись в темноте на торчащие предметы, плюнул на это занятие и попытался выбраться обратно на улицу, хоть как-то расчищенную, проходящей техникой. В темноте он зацепился ногой за что-то и полетел куда-то, заорав истошно с перепугу. И упал, неудачно приземлившись. Лицом в битый кирпич. Так что очнулся не сразу. А очнулся от того, что кто-то теребил его за рукав и тоненьким голоском звал: – Дяденька, дяденька, вы мертвый? Здесь нельзя лежать. Холодно.

– Живой я, живой,– простонал Хрюкин, отрывая лицо от мерзлых кирпичей.– Кто это здесь?

– Я, дяденька. Меня Веркой звать. Я тут с мамкой и братом живу в подвале,– пропищал голосок.– Идите за мной. Здесь лежать нельзя,– Хрюкин присмотрелся и разглядел в полумраке, нелепую фигурку подростка, перетянутую крест-накрест платком. Платок был темный, под ним что-то светло-серое, а лицо белело и вовсе как у привидения.

– Куда?– спросил Хрюкин, охнув от боли в отшибленном колене.

– За мной, дяденька, руку на плечо мне положите. Здесь вход в подвал. Я вышла мамку встретить. Она на станцию пошла, угля собрать, а тут вы упали. Я думала, что вы убились. Так высоко упали,– пищала впереди Верка, спускаясь по ступеням.– Здесь дверь низкая, пригнитесь дяденька,– предупредила Верка, только забыла сказать, на сколько нужно пригнуться. Она и сама пригнулась, будучи от горшка два вершка, а пригнувшийся Хрюкин, уперся сходу

лбом в кирпичную кладку, так что искры из глаз брызнули и осветили на мгновение и спину Веркину, и дверь метровой высоты. Постояв и придя в себя, Хрюкин согнулся пополам и влез в подвальное помещение. Здесь к его радости, ступеньки вели вниз, и он всего один раз упал, решив почему-то, что в подвале и живут вот так, согнувшись. Ошибся. Подвал был глубоким. Вход неказистым, а сам подвал высотой метра два, так что когда он поднялся со стоном, то головой до потолка не достал. И просторным подвал оказался тоже. Метров двадцать квадратных. Да еще и теплым, к тому же. В одном его углу стояла печка "буржуйка" сооруженная из бочки бензиновой и довольно умело. Тот кто ее соорудил, приложил старание и выдумку. Дверки прорезал аккуратные и наверху вырезал дырку не только под трубу для дыма, но и для того чтобы ставить кастрюлю или чайник. Чайник сейчас там и пыхтел, побрякивая крышкой. Труба была выставлена в окно подвальное и светилась малиновым цветом. Рядом с печью была сооружена из подручных средств лежанка, заваленная тряпьем, и из тряпок на Хрюкина тарасились глазенки. Освещался подвал керосинкой, которая едва сейчас светила, но подвешенная к потолку, расположена была удачно. "Летучая мышь" – железнодорожная, с ручкой и решеткой защитной для стекла, она создавала некоторый уют в этом подвале.

– Это братишка мой меньшей – Петька. Проходите, дяденька, садитесь. Я сейчас ваш лоб посмотрю, – Хрюкин охнул, присаживаясь на ящик из-под бутылок, стоящий на ребре, рядом с печью и накрытый куском ватного одеяла. Грязная вата торчала неряшливо в разные стороны, будто одеяло не резали, а рвали зубами, но сидеть было мягко.

– Ох, как вы... – запричитала Верка.

– А где мой мешок? – спросил Хрюкин, вспомнив, что он шел не с пустыми руками и падал тоже не с пустыми.

– Ох, дяденька... – всплеснула руками Верка, прикладывая к его лбу мокрую, холодную тряпку. – Подержите, я взгляну. Наверно там ваш мешок остался, – вернулась девчужка через минуту и принесла не только мешок, но и лыжи: – Вот все ваше, – положила она рюкзак у ног Хрюкина, а лыжи оставила при входе, прислонив их к стене. На вид Верке было лет десять, но глаза смотрели совершенно по взрослому, озабоченно, понимающе.

– Спасибо, Вер, – поблагодарил ее Хрюкин. – Угостить мне вас нечем, только сухари есть, – принялся рыться он в мешке.

– Сухари, – обрадовалась девчужка. – Не надо, дяденька. Вам самим, наверно, нужны. Петьке только один дайте, а мне не нужно. Скоро мамка придет, тюрю будем варить. Хотите кипятку?

– Хочу, – согласился Хрюкин. – Ваш кипяток, мои сухари. У меня много их. А завтра я на довольствие встану при военкомате, так что вы не стесняйтесь, – Хрюкин выложил оставшиеся сухари прямо на лежанку, и оказалось их не так уж и много.

– На стол нужно, дяденька, – засуетилась девчужка, перекладывая сухари на стол, который Хрюкин сразу и не заметил. А это был именно стол, правда стоял он на кирпичном основании, но столешница была круглой и застеленной газетами. "На страже Родины". Прочитал Хрюкин заголовок и спросил:

– Что пишут?

– Ой, дяденька, – Верка суетилась рядом со столом, расставляя на нем кружки солдатские и чайник. На его место, подняв, она сунула кусок кровельного железа, и пыхнувший было в подвал дым, потек опять в трубу. Чайник лязгнул ручкой, перемещаясь к столу, и кипяток зажурчал в кружки.

– Петька, подсаживайся поближе, – позвал мальчишку Хрюкин и из тряпок выполз чумазый мальчонка лет пяти, с конопатым, сопливым носом, шмыгнув которым, он спросил.

– Дядь, а ты кто?

– Я? Меня зовут Артур, – назвался Хрюкин.

– Не-е-е. Я не как звать. Ты кто? Немец или наш – русский?

– Русский я, Петь. У меня и фамилия русская – Хрюкин.

– Хрюкин? Смешная фамилия,– приснул Петька, получив подзатыльник от сестры и выговор:

– Ничего не смешная. Обыкновенная. А у нас, что лучше что ли? Кутузовы.

– Как?– переспросил Хрюкин, подумав, что ослышался.

– Кутузовы,– повторила Верка.– Меня все в школе "Кутькой" дразнили. Кутька, да Кутька. Чего хорошего?

– Да уж, чего там хорошего, коль дразнят. Меня "Хряком" дразнили. Главное обидно, что не "Хрюком", а "Хряком". Не правильно это. Человек не виноват, с какой фамилией ему родиться пришлось.

– Правильно, дяденька Артур,– поддакнула ему Верка.– Не виноват,– Петька хрустел сухарем и сопел сопливым носом, слушая разговоры умные взрослых. Верка заставила высморкаться братишку в тряпку и протерла ему лицо чумазое ей же. Стало оно от протирания посветлее, а уж дышать Петька стал совсем чисто, без посвистов.

А вскоре пришла и мать Веркина с Петькой, замотанная шалью, в ватнике красноармейском и красноармейских же штанах ватных, стеганных. На ногах опять же валенки серые, казенные. Сходила она к станции удачно. Насобираала угля пол мешка.

– Еле доперла, но зато на неделю теперь хватит. Нам бы еще муки достать и картошки раздобыть, тогда все нипочем. Верно, Вер?– начала она от входа весело, но заметив незнакомца, настороженно замолчала, приглядываясь в полумраке: – Это кто у нас, Вер?

– Это, дяденька. Он упал и разбил лоб. Я пустила согреться,– виноватым голоском отозвалась девчужка.

Хрюкин встал и представился: – Рядовой Хрюкин Артур Макарович, следую в военкомат, для прохождения службы.

– Дарья,– представилась хозяйка, подтаскивая мешок к "буржуйке".– Что-то одет ты, Артур Макарович, не как солдат-то.

– Из окружения выходил, вот и пришлось что попало одеть. Шинель, да гимнастерка поистрепались. Добрые люди дали вот пальтишко.

– Хорошее пальто-то. Видать шибко добрые попались. Не штопано вовсе,– присмотрелась к "пальто" Дарья.

– Встречаются пока люди хорошие,– неопределенно ответил Хрюкин, прикидывая, прогонит его Дарья сейчас или позволит переночевать.

– Да чего там. Ночуйте,– поняла она по его лицу.– Места много, только уж устраивайтесь, где сможете, лежбище у нас одно на троих. Так что уж и не знаю, где вам пристроиться.

– Ничего, я ежели что, то и сидя покемарю,– замахал руками Хрюкин, оглядывая помещение внимательнее. Прилечь на что либо, на самом деле больше было не на что.

– Почто сидя? Придумаем, чтонибудь. Вон там две доски в углу. Не распилили пока на дрова, так уж на них и постелитесь.– Предложила Дарья.

– Вот и хорошо,– Хрюкин полез к стене и нашел там две двухметровых доски, утыканые гвоздями. Доски были широкие, и из них получилась великолепная лежанка. Загнув кирпичом гвозди, он тут же и разложил доски, застелив мешком освободившимся от сухарей. Нашупал в рюкзаке соль и передал ее, в тряпицу портяночную завернутую, хозяйке: – Это за постой. Соль. Мало, правда, кило примерно, но больше нет ничего.

– Соль?– переспросила Дарья, хлопочущая у стола и болтающая в кастрюле что-то ложкой.

"Тюрю готовит",– понял Хрюкин и в животе у него забурчало.

– Соль – это спасибо. У нас уже неделю как вся вышла. Бог вас послал нам не иначе,– Дарья всхлипнула.

– Какой Бог? Я комсомолец вообще,– отказался Хрюкин от чести предложенной.

– Это так к слову, Артур Макарович. Не обижайтесь, Христа ради. Конечно комсомолец. Как же без этого? Нынче все комсомольцы. У меня и муж тоже комсомолец. Не пишет третий месяц,– опять всхлипнула Дарья.– Жив ли?

Хрюкин промолчал, копошась в рюкзаке. Достал из него палатку, повертел в руках, и хотел было уже швырнуть ее обратно, но она вдруг зацепившись за что-то в полумраке, начала раскрываться и он оттолкнул ее на середину подвала. Палатка натянулась и начала переливаться, малиновым в основном цветом, слегка разбавленным желтизной, а все семейство подвальное уставилось на нее, открыв рты.

– Это что, дяденька?– пришла в себя первой Верка.

– Это палатка походная, двухместная,– объяснил Хрюкин, матеря себя мысленно за оплошность.

– Красивая какая,– оценила палатку Верка.– Можно я в нее загляну?

– Можно,– разрешил Хрюкин и Верка с Петькой, полезли в палатку, моментально разобравшись, как она распаивается. Только липучки затрещали – "ёжики".

– Здесь коврик мягкий на полу,– сообщила Верка, ползая внутри и щупая ткань.– Теплая. Будто греет печка снизу.

– Можно мы в ней спать ляжем, дяденька?– спросила она, высовываясь из палатки.

– Ложитесь,– разрешил Хрюкин.– Только это она теплая, потому что я с ней у печки сидел. Нагрелась. А потом остынет.

– Остынет если, тогда мы к мамке уйдем,– разрешила проблему с детской непосредственностью девчушка, выглядывая опять.– Даже есть расхотелось, и вылезать не хочется. Пол мягкий, теплый,– сообщила она.

Однако, когда "тюря" сварилась, выскочила первой, вытащив упирающегося Петьку.

– Нужно поесть. Нето кишки слипнутся и будет плохо,– рассудила она, волоча брата к столу.

– Присаживайтесь, Артур Макарович, к столу,– позвала Дарья, и Хрюкин не стал привередничать, присел.

Тюрей, оказалась болтушка из муки и воды, но горячая и соленая, она показалась проголодавшемуся Хрюкину верхом кулинарного искусства. Хлебал и нахваливал. Тем более, что налила ему Дарья ее в настоящую фарфоровую тарелку и ложку вручила из нержавейки, блестящую. Невольно при этом Хрюкину вспомнился дом родной, и он вздохнул тяжело, поблагодарив хозяйку.

– Не за что,– ответила та и, взглянув на его мрачное лицо, добавила: – Ничего, скоро война закончится и вернетесь вы домой, Артур Макарович,– Дарья, похоже, умела читать мысли.

Глава 6

Запив "тюрю" кипятком и еще раз сказав "спасибо", Хрюкин прилег на импровизированную постель и мгновенно уснул. Приснился ему в этот раз не капитан, а Рер. Только разговор не получился у них на этот раз. Рер разевал рот, жестикулировал, но Артур его не слышал, как ни напрягался. Рер стучал себя по голове кулаком, вертел пальцем у виска и даже раз пять показал язык, вытаращив глаза. Но что он этим хотел сказать Хрюкин так и не понял. Проснулся он не выпавшийся, хоть лежать ему было на досках вполне терпимо. Гвозди загнутые, на ребра не давили и он даже не замерз. Хотя в подвале пар изо рта все же шел. "Буржуйка" прогорела и хозяйка не спешила ее растапливать, экономя топливо. Лампа керосиновая была так же потушена, и свет теперь сочился из двух подвальных оконцев, с которых сдернули тряпки. Полумрак стоял все же такой, что Хрюкин едва мог рассмотреть свои вытянутые руки. Заставив себя подняться, он вышел из подвала и протер лицо снегом. Болела шишка на лбу и царапины на щеках и подбородке. Приложился он вчера при падении основательно.

– «Хорошо, что шею не свернул», – подумал Хрюкин, рассматривая в предрассветных сумерках кучу битого кирпича, на которую упал и место, с которого сверзился. Траектория получилась впечатляющая воображение, и он зябко поежившись, вернулся в подвал. Там он с удивлением обнаружил, что Верка с Петькой так и переночевали в палатке, правда, набросав в нее тряпок и завернувшись в них. Застегнулись на липучки наглухо, пригрелись и продолжали сопеть носами, так сладко, что уже хлопчущая у печки Дарья, приложила палец к губам, предупреждая Хрюкина, чтобы не шумел.

– Доброе утро, – прошептал он все же, присаживаясь на ящик и помогая Дарье растопить печь.

– Доброе, – отозвалась та, подкидывая деревяшки в нутро "буржуйки". Через несколько минут печь уже загудела и чайник, на нее поставленный, начал нагреваться, тренькая дном. А потом пили кипятком вдвоем, потому что дети разоспались и будить их Дарья не решалась. Увидев же, что Артур собрался уходить, она кинулась было к палатке, чтобы поднять детей, но Хрюкин ее остановил, попросив разрешения заглянуть вечером еще, если ему не удастся встать у военкома на учет и довольствие.

– Конечно, приходите, Артур Макарович, – обрадовалась женщина.

– Я оставляю рюкзак? – Хрюкин тоже обрадовался тому, что нашел временное пристанище.

– Оставляйте, Артур Макарович. Если ценности какие, то вы не беспокойтесь. Я-то сейчас тоже уйду. Нас к расчистке привлекли станции и паек посулили по рабочей карточке, но детишки дома будут. Верка-то днем тоже выходит, дрова собирает для печки, а Петька все время дома. У него обуви нет зимней. Поэтому сидит сиднем, – сообщила она весь расклад домашний.

– Хорошо. Я обязательно приду. Ничего ценного у меня нет. Все ценное с собой ношу, – Хрюкин похлопал по фляге и лопате саперной, притороченных к поясу. – Может, паек сухой получу у комиссара, – попрощавшись, Хрюкин вылез из подвала. Уже совсем рассвело, и по улице шли в сторону фронта войска. Урчали двигатели и раздавались команды. Где-то впереди даже строевую песню запели, и Хрюкин почувствовал себя дезертиром. По-настоящему. С чувством вины. – "Все воюют, а я отсиживаюсь", – подумал он и направился в сторону станции, рядом с которой, по словам Дарьи и располагался мобилизационный пункт, обосновавшийся в нескольких палатках.

Палатки эти Хрюкин отыскал довольно быстро, но толчея там такая началась с утра, что он потыкался, потыкался в спины и плюнул, решив переждать, накал страстей, – "И чем заняться"? – подумал Хрюкин, озираясь, – "Пожрать бы чего прикупить. Должна быть толкучка

обязательно где-то. Нужно расспросить народ на эту тему", – расспросы довели его до соседней улицы, на которой собирались все желающие "купить-продать". И у Хрюкина глаза разбежались. На этой толкучке, можно было купить практически все. Или выменять. Из-под полы предлагали все что угодно. Любые консервы, хлеб свежеспеченный и еще горячий даже, шоколад трофейный в фольге кусками и даже водку с этикеткой. О соли и сахаре и говорить нечего. Этим торговали открыто. Стоило, правда, все жутко дорого. Приценившись, Хрюкин понял, что ему тут делать нечего, если он конечно случайно вдруг не найдет кошель с деньгами, а лучше мешок, потому что здесь нужно было иметь их мешок, чтобы ни в чем себе не отказывать. Предложив мужичонке безногую, на тележке, купить у него золотую монету, Хрюкин так его этим предложением напугал, что тот вскочил и убежал с толкучки, бросив тележку к чертовой матери.

– Жулик! – крикнул ему вслед Хрюкин и присел на пенек от дерева. Спил был свежий. Народ согревался по ночам как мог и прежде всего добирал то, что не успела сожрать война. Вот в этот момент Хрюкин и подумал о мешке денег, что найти бы его не помешало. Подумал, усмехнулся этой глупой мысли и наткнулся взглядом именно на мешок, валяющийся явно кем-то забытый у кирпичной ограды. Рядом с ним ни кого не было.

"Жулик этот безногий, наверное, оставил", – подумал Хрюкин, продолжая наблюдать за мешком. Мешок был из плотного брезента, с ляжками как у рюкзака и набит был плотно. Здоровенный такой мешок. В этот мешок можно было засунуть поросенка килограммов на тридцать или столько же картошки. Но картошка бы пузырилась, а поросенок шевелился. Да и откуда ему взяться здесь почти в прифронтовом городе? Хрюкин встал и прошелся, якобы прицениваясь к товарам, но не спуская глаз с мешка. Толкучка гудела, трясая перед ним различным барахлом и продуктами.

– Купи сапоги, – совал ему в лицо пару кирзовую дед с кривым глазом. – Не за дорого отдам. Мешок картошки всего прошу.

– Ну, ты загнул, старый хрыч, – налетела на него баба в полушубке. – Кирза столько не стоит. Пол мешка дам.

– Креста на тебе нет, зараза. Уйди! – отмахнулся от нее кривоглазый.

Хрюкин приблизился к мешку и встал рядом с ним.

– Чем торгуешь, милоч? – подскочила к нему сразу старуха бельмастая, подслеповато щурясь. – Солью? Почему?

– Не торгую я, – ответил Хрюкин.

– А че тогда место торговое занимаешь? – напустилась на него старуха. – Приперся гляжу с мешком и стоит, и стоит.

– Что и постоять нельзя? – огрызнулся Хрюкин. – Может, я жду человека.

– Челове-е-ека! – завелась бельмастая, явно пребывающая не в духе. – Стоят тут, челове-е-еки. Плати, коль стоишь, за место.

– Кому это? – удивился Хрюкин.

– Она кому! – ткнула старуха злорадно Хрюкину за спину и, оглянувшись, он увидел двух небритых субъектов, которые направлялись в его сторону. Рожи их ему не понравились категорически, а его, очевидно, не приглянулась им, потому что один из субъектов, тут же вцепился в Хрюкина и зашипел, дыша перегаром в лицо:

– Ты че, вошь тыловая, че зенки пялишь? Это наше поле, плати, барыга!

– Я не барыга. Я прикупить продуктов зашел, – попробовал оправдаться Хрюкин и уладить недоразумение, но тут же получил удар под дых, не сильный, но болезненный.

– Че ты гонишь? Я видел, как ты тут присел с мешком. Я на фронте кровь проливал, у меня три ранения и пять контузий. У меня брательник – начальник милиции здешней. Вали отсель, нос откушу, – заорал второй субъект и так ткнул растерявшегося Хрюкина, что он, перелетев через кирпичную ограду, растянулся на снегу, приложившись и без того пострадавшим

лицом к утоптанному насту. А сверху на него грохнулся мешок брезентовый с лямками, весивший никак не меньше тех самых тридцати килограмм. Хорошо, что не на голову упал. На ноги, но тоже больно получилось.

– Вали, пока еще не добавили,– рычал через ограду контуженый брательник начальника местной милиции и Хрюкин решил не связываться с ним. Поднялся, подобрал мешок и повололся прочь от толкучки. Отойдя метров на сто, он заскочил с мешком в полуразрушенный дом и, укрывшись за печкой, развязал тесемки,– «Че хоть волоку?»– мелькнула у него в голове мысль,– «Ох, ни хрена себе!»– замерла в извилинах следующая. Пачки советских денег, буквально ошарашили его. Уложенные ровными брикетами, они светились свежей краской и ликом Вождя Мирового Пролетариата. Хрюкин вытащил одну пачку и, разорвав банковскую упаковку, убедился, что все сто купюр – сто рублевые и еще пахнут типографией. Как будто их только что выдернули из-под печатного станка.

– Это как так? Кто оставил? Казначей какой-нибудь? Хватится сейчас, тогда кранты. Облаву ведь устроят,– запаниковал Хрюкин, лихорадочно соображая, что ему предпринять. Сунув одну пачку в карман куртки, он начал озираться по сторонам, решая дилемму – сбежать с мешком или без него.– "Спрятать пока, а ночью прийти и забрать",– пришла в голову мудрая мысль.– "Под печкой должна быть дырка, туда и всунуть пока и замаскировать хламом",– пришла в голову следующая мысль, еще мудрее первой. Хрюкин нашел подпечье и сунул туда мешок. Мешок влез легко и Хрюкин забросал хламом место тайника. Затем он осторожно выбрался из развалин и помчался подальше от толкучки, решив не мозолить тут никому глаза. В кармане теперь у него лежало десять тысяч рублей, и можно было поискать другие места, где принимали дензнаки в оплату за продукты. Расспросив встречных местных жителей, Хрюкин довольно скоро выяснил, что таких мест в городе, кроме барахолки, несколько. В подвале у Райисполкома, торговала государственная лавка, а еще на территории монастыря какого-то можно было отовариться в военторге. Но там, в основном, обслуживали военных и барахлом, но можно было переплатив, купить и продукты. Консервы, напитки, ну и еще много чего. Весь ассортимент никто не знал, но со слов знатоков, нужно было обязательно переплачивать. И заходить с тылу. Иначе нигде, ничего не продавалось.

– Пошлют, ты милоч, к такой-то матушке,– просветил его благообразный старичок, сморкаясь в платок.– И не ходи, и не проси. Сдадут куды следует, коль начнешь правду требовать. Меня уж сдавали, ироды. Хотел папирос купить. Купил. Два дня продержали. Махры ни разу не выдали. Чуть не помер. Освободители, мать иху,– посочувствовав старичку, Хрюкин отправился к Райисполкому, лежащему тоже в руинах, но уже расчищаемому в первую очередь.

Подвал в здании оказался очень хорош для торговой точки, и она здесь процветала. В двери подвальные на задворках, входили и выходили люди. В основном военные, разумеется. С портупейми. Никаких вывесок Хрюкин не увидел, но набравшись смелости, в подвал все же спустился, подумав.– "Мне бы хлеба свежего буханок пять, да сахара хотя бы". С этой мыслью и зашел, чуть не захлебнувшись слюной от запахов, шибанувших в нос. Пахло колбасой и у Хрюкина забурчало в животе так громко, что стоящий рядом с ним майор, сочувственно на него покосился. "Колбасой пахнет",– подумал Хрюкин,– "Краковской. Сейчас бы пару килограмм сожрал, прямо не отходя от прилавка и, десяток кило с собой бы не поленился унести. Разрешили бы купить, чмошники",– очередь тем временем двигалась и Хрюкин оказался уже в двух шагах от прилавка, когда разразился скандал в этой торговой, подвальной точке. Заорал продавец, с мордой краснокирпичной и такой круглой, что Хрюкин даже удивился, увидев ее. Настолько идеально круглая была. "Круглый", отпихивал от себя протянутые ему деньги /сто рублевые, кстати/ и орал:

– Че суешь, че суешь? Где записка от товарищщща Упатова? Только по ей отпускаем. Выйдите, гражданин, немедленно. У нас тут пост при пистолетах. Враз угомонят,– сующий сто-рублевки капитан-артиллерист сконфузился, а "Круглый" добил его:

– Вам гражданин, следует в военную лавку идти, там все купить, а здесь только для тех, кто Райсполкому служит, – капитан спрятал деньги и, матерясь шепотом, вышел из подвала.

"И мне что ли отворот-поворот вот так же?", – подумал Хрюкин и спросил у стоящего рядом майора:

– А у вас, товарищ майор, есть записка от товарища Упатова?

– Есть, – нахмурился майор недовольно. – Я папиросами здесь отовариваюсь.

– И все? – удивился Хрюкин.

– И все, – кивнул важно майор.

– Товарищ майор, предлагаю сделку. Мне нужно затариться продуктами на десять тысяч рублей. Половина вам за записку. Годится? – Хрюкин замер в ожидании ответа, твердя мысленно, – "Соглашайся, майор".

– Годится, – улыбнулся майор и в следующие полчаса "Кругломордый" замучался вертеться, взвешивая на весах, то колбасу, то сало, то сахар, то муку. В результате майор с Хрюкиным вытащили из подвала по мешку огромному продуктов. Килограммов по пятьдесят. Истратил при этом Хрюкин только половину суммы.

– Вам куда? – любезно осведомился майор. – Я на машине, могу подбросить.

– Спасибо, – обрадовался Хрюкин. – Подбросьте к вокзалу.

Заявившись с мешком в подвал семейства Кутузовых, Хрюкин застал там только Петьку, который сидел в палатке и вылезать из нее не стал, даже когда увидел и узнал Хрюкина.

– Здесь тепло, а там холодно, – заявил он Хрюкину, заглянувшему к нему. Печка еле пытела, прогорев и Хрюкин, подбросив дров, поставил разогреваться чайник. А потом начал выкладывать на стол продукты. Запах колбасы, заполнивший моментально подвальное помещение, Петьку из палатки буквально вышвырнул.

– Это что? – ткнул он грязным пальцем в лежащую на столе Краковскую колбасу.

– Это колбаса, Петруха, – Хрюкин отрезал кусок колбасы и сунул ее в руки протянутые мальчонки, вместе с куском хлеба. Петька смотрел на колбасу и пускал слюни от запаха, не осмеливаясь укунить так вкусно пахнущую еду. Ему казалось, что это можно только нюхать.

– Что смотришь? Ешь, – засмеялся Хрюкин.

– Это все мне? А мамке с Веркой? – Петька взглянул жалобно на Хрюкина.

– Тебе, ешь. Мамке с Веркой я еще дам, – успокоил мальчишку Хрюкин и тот впился зубами в колбасу, заурчав волчонком. Закипел чайник и Хрюкин заварил чай, наложив потом в кружки столько сахара, что у Петьки глазенки на лоб полезли, когда он сделал первый глоток.

– Вкусна-а-а-а! – оценил он и высосал две кружки подряд. А затем, получив на десерт сухофрукты, уполз в палатку и заснул там, сжимая в кулачках сливы и сморщенные груши. Верка, пришедшая часа два спустя, принесла вязанку обгорелых досок и, увидев продукты, выложенные на стол, чуть не упала в обморок от эдакого изобилия. Она тоже забыла, как выглядит колбаса, а чай пила настоящий с сахаром, так давно, что уже не могла сказать когда. "До войны". Все хорошее теперь у нее было "до войны".

– Это вам сухой паек выдали? – спросила она, присаживаясь на лежанку.

– Угадала, – рассмеялся Хрюкин, сооружая ей бутерброд из хлеба, масла и колбасы. – Угощайся.

– Спасибо, дяденька, – пропищала Верка. – А Петьке?

– Петька уже умял килограмм колбасы и буханку хлеба съел. Спит вон, переваривает. Куда только влезло?

– А он не заболит? – забеспокоилась Верка.

– Нет. Не заболит. Я пошутил. Съел он конечно меньше. Это мы с ним вдвоем столько съели. Вот чаю он много выпил. Две кружки. Разбудить не забудь, чтобы пузырь мочевого не лопнул. Пусть во двор сбегает.

– Он не бежит во двор, дяденька Артур. У него обуви нет.

– А, ну да. Я забыл,– Хрюкин полез в мешок и вытащил пару валенок.– Вот, примерь Петьке. Купил в лавке. Там это самые маленькие были. Наверное, велики будут, но я ему еще носки подгоню, так что на вырост в самый раз будет. Купим еще Петьке вашему ватник или шубу, и будет он бегать во двор. Зачахнет ведь в подвале.

– Зачахнет,– кивнула Верка, прожевывая колбасу.

– Мне и денежное довольствие выдали,– похвастался Хрюкин.– За полгода.

– Ой, как я за вас рада. Наверное, целую тысячу получили,– попыталась угадать девчушка.

– Больше. Десять,– огорошил ее Хрюкин.

– Целых десять?– не поверила Верка.– Побожитесь.

– Честное комсомольское,– перекрестился Хрюкин.

– Шутите, дяденька Артур,– засмеялась Верка.

– Нет. Правду сказал. Десять. Вот продукты на них и купил. Встретил майора земляка из Москвы. Он и помог отовариться. Так просто и за деньги нынче ничего не купишь. Только по запискам от Райисполкома.

– Да, нынче так,– вздохнула девчушка.– До войны можно было сколько хочешь хлеба купить. Я помню.

Дождавшись темноты, Хрюкин снова выбрался из подвала кутузовского и направился в сторону тайника. Чуть не заблудился, но все же развалины нужные разыскал и мешок из-под печки вытащил. Возвращаясь перебежками обратно, он мечтал только об одном – благополучно добраться до подвала. И это ему удалось. Оказавшись же у входа в подвал, он подумал о том, что будет врать ее обитателям. Мешок денег – это не мешок картошки.

"Скажу, что кассиром меня в армии назначили... этим как его... дегустатором, нет не дегустатором, а инкассатором. Что банки сейчас все разбомблены, поэтому деньги для армии перевозим мы в таких вот мешках, чтобы никто не догадался. Ну и пусть помалкивают, значит". Придумав "отмазку", Хрюкин бодро явился пред своими квартирными хозяевами и так здорово расписал в цветах и красках свою новую службу, что сам себе поверил в конце повествования.

– А на фронт вас не пошлют, дяденька Артур?– спросил Петька.

– И на фронт пошлют и в тыл врага пошлют к партизанам, Петруха. Везде мы нарасхват – дегустаторы, то есть – инкассаторы. Деньги, брат, всему голова. Они двигатель прогресса, ну и товарной массы к потребителю.

– А форму вам выдадут, дяденька Артур,– не унимался Петька.

– Обязательно. Как только сошьют, так сразу и выдадут,– Хрюкин поворошил Петькину шевелюру и подумал, что мальчонка-то прав. Нужно срочно облачаться в армейскую одежду, чтобы не выглядеть в своей черной одежде «белой вороной». На следующее утро, попив чайку, заваренного Дарьей, с оладьями, которые она напекла на сливочном масле, Хрюкин помчался облачаться в военное обмундирование,– "Мне бы офицером приодеться. Младшим лейтенантом хотя бы",– размечтался он и наткнулся на вчерашнего майора, идущего ему навстречу.

"А может с майором этим перетереть по этому вопросу? Вроде тыловик и вдруг удастся пристроиться к нему в обоз",– мелькнула у Хрюкина в голове авантюрная мысль, а майор уже расплылся в улыбке, узнав его.

– Здравствуй, друг любезный,– расшаркался он.– Как с продуктами? Нет ли опять нужды?

– Как не быть,– расплылся Хрюкин в ответной улыбке.– Люди готовы нынче впятеро переплачивать. Так почему им и не помочь?

– Верно, верно. Людям помогать – дело хорошее. Благое можно сказать. Раньше сказали бы, что богоугодное. И сколько потратить можете, Артур?

– Много, Василь Сидорович. Сто тысяч могу потратить. Не мои средства. Люди доверили. Я за малую долю суечусь. Процентик свой имею, с оборота.

– Ну что же. Хорошее дело, – закивал опять головой майор. Еще вчера ему этот паренек приглянулся своей непосредственностью и прямолинейностью. Не каждый вот так подойдет, да и ляпнет незнакомому майору, – "Возьми на лапу", – да еще с простотой необыкновенной. Майор себя считал душевидцем, как минимум и в этом парне он вчера разглядел родственную себе душу. Душу коммерсанта, азартного, рискованного и фартового. Подвозя его, майор представился и, услышав фамилию Хрюкина, рассмеялся, тут же и извинившись:

– Вы, Артур, не обижайтесь, просто фамилия ваша на мою похожа – у вас Хрюкин, а у меня – Дрюкин. В одной букве разница. Дрюкин – Хрюкин. Ох, чуется мое сердце, что нам с вами еще встретиться доведется в этой жизни.

Угадал майор, довелось. Прямо вот, на следующий же день. Будто черт свел.

– Вы, голубчик, Артур, где числитесь? – поинтересовался майор.

– Списан по контузии, Василь Сидорович. Устроился в артель одну московскую инвалидную, чтобы в тунядцы не записали, да вот по командировкам теперь выезжаю, – солгал, не моргнув глазом, Хрюкин.

– В армию не вернетесь?

– Да кому же я контуженный нужен в армии? – ляпнул Хрюкин. – Припадки у меня случаются. Эти... эпилептические.

– Эпилептические?

– Они. Эпилептические. Падаю, головой стучу, могу укусить. Зачем я такой в армии?

– Ну, брат, это в действующей армии, а если в тыловой службе? Вот как наша, такой?

– А что у вас за служба? – улыбнулся Хрюкин.

– Мы, брат, продукты поставляем для высшего офицерского состава. Заготавливаем, сопровождаем, распределяем.

– Это конечно, совсем другое дело. Чего тут падать в припадок? Только звание у меня рядовой, чего с него? – посетовал Хрюкин.

– А мы тебе, задним числом оформим курсы младших лейтенантов и получишь звание, – майор и сам не заметил как начал уговаривать Хрюкина, поступить к нему на службу. – Станешь моей правой рукой. Комендантскую роту тебе дам. Звания сами посыпятся. Я, брат, сам войну начал лейтенантом. А теперь майор. Соглашайся. Понравился ты мне. Душа родственная. Я тебе, ты мне. Заживем. Дела закрутим.

– Ну, я конечно, согласился бы, но мне нужно в Москву съездить, расчет получить, то, се. Документы опять же, справки с работы и из военкомата.

– Да ничего не нужно. Я все сделаю. Оформим тебя, как добровольца. Напишешь рапорт на мое имя. Да про тебя в газете пропечатают, как ты из инвалидов в добровольцы пошел.

– Не надо в газетах. Не люблю я газеты, – отказался Хрюкин.

– Правильно. Я их тоже не люблю. Ну что, по рукам? – протянул майор ладонь.

– По рукам, – согласился Хрюкин и на следующий день уже щеголял в новеньком полубубке, с эмалевым квадратом младшего лейтенанта на петлицах гимнастерки. Казарм у тыловиков не было, штаб части разместился в домишке, на окраине Можайска, в одном из немногих уцелевших. В нем же и майор Дрюкин припухал со своей командой. Подчинялся он непосредственно командующему фронтом и был его можно сказать личным фуражиром. С обязанностями своими справлялся майор на отлично, и числился на хорошем счету. В распоряжении имел пару сотен оглоедов, лично ему обязанных службой не пыльной и одного только порой майору не хватало – широты. Хотелось ему развернуться не на ширину фронта, а всей Красной армии ширину. Или еще шире. Честолюбив был крайне, но умел это скрыть от зорких глаз органов карательных, вовремя прибирая за собой, и не гадя где попало. Изворотливость эта, помноженная на общительность и умение ладить с людьми – коммуникабельность, двигала

майора по служебной лестнице, и он уже приготовился провертеть третью дырку под прямоугольник подполковника на петлицах. А это значит и новая должность последует. Вот поэтому Дрюкин и собирал вокруг себя людей оборотистых, расторопных. Команду. Чтобы дела делать, а не "лапу сосать". Пока идет война, столько всего списать можно на нее. И майор списывал. Так успешно, что уже не все свои записки помнил. Хоть журнал заводи учета. Куда и что пристроил. Домов только скупил в окрестностях Москвы пару десятков, на подставных лиц. Родственников в основном. Даром люди отдавали, когда немец пер на столицу катком железным, – "Сгорело кое-что, не без того, но и это не беда. Получим ссуды от рабоче-крестьянского государства, роднули... и восстановимся. Отстроимся и продадимся в десять раз дороже", – жизнь будущая, после войны, казалась майору светлой и праздничной. Ну а пока война, есть конечно риск и пулю получить, но тут как говорится, – "Кто не рискует – тот не пьет шампанское", – впрочем риск был и здесь минимальный. На фронт, в окопы майор продукты не поставлял и сам в эти окопы не лез. Бывал он в них реже, пожалуй, чем командующий фронтом. Тот нет, нет, да наведывался раз в полгода на передовую, чтобы авторитет свой поднять и сфотографироваться на фоне горящих фашистских танков, которые специально раскошегаривали коктейлем Молотова для фотокора. Дрюкину светиться в прессе нужды не было. Задачи у него стояли в иной плоскости, при снискании хлеба насущного, нежели чем у командующего.

Хрюкина майор пока особенно не загружал, поручив ему заниматься скупкой и реализацией товаров повышенного спроса, с выездом в командировки. В ту же Москву. Столица с удовольствием поглощала деликатесы, прибывшие с фронта, ей же туда и отправленные, чуть ранее. На фронте продукты проходили некое крещение и приобретали сакральность, а стало быть и стоимость повышенную. Это все прекрасно понимали и деньги платили не ерепенясь.

Война списывала вагонами и эшелонами. И в этом потоке "деньги – товар – деньги" Хрюкин поплыл уверенными саженками, совершенно не предполагая, что ему напророчено стать, в лучшем случае, мелким чиновником. Мелким он уже стал, всего лишь две недели спустя, после того как это пророчество прозвучало.

"Для кого война, а для кого мать родна", – поговорку эту народную, русскую, первым высказал, наверняка человек, столкнувшийся с Частями Материального Обеспечения. Узнав об их деятельности не понаслышке, а столкнувшись непосредственно. Возможно в качестве дознавателя, например, или прокурора, которому упали на стол документы по очередному "Трофейному делу". Их судили, сажали и даже казнили при любой власти. Называли презрительно ЧМО, но меньше их от этого не стало. Они, как крысы, которым, если не препятствовать размножаться, способны заполнить любую площадь, любой объем, Галактику, Вселенную. Но они хуже крыс, опаснее, потому что над крысами есть люди, а над ЧМО, никого нет. Даже Бога. ОН уклоняется от них, отворачивается, предоставляя самим себе. И эта предоставленность, становится их проклятьем, которое несут они по жизни своей как ЗНАМЯ. Независимости от ВСЕГО. Знамя реет и собирает сочувствующих и завидующих. Всех под тень свою готово собрать. Всех – двуногих сделать такими. Всем навесить ярлык. Самому мелкому "крысенку" и самой крупной и матерой "крысе". Конец Человечества наступит не в результате катаклизма природного и не в результате явления Ангелов-Истребителей на бледных, вороных и прочих мастей, лошадях скачущих. Человечество прекратит свое существование, когда все люди встанут под это знамя – ЧМО. Человечество Материального Обеспечения. Все, занавес. Как эти несколько миллиардов ЧМО, уничтожат планету, не имеет значения. Они попросту "сожрут" ее.

Эти псевдолюди всему назначат цену, все сведут к голому расчету. Но не это страшно. Страшно то, что они потеряют саму способность понимать свою порочность. "Что естественно, то не безобразно". Будут говорить, не умея отличить, где естественно, а где безобразно. Их псевдо-ученые, пытаясь объяснить мироздание, будут постоянно наталкиваться на Разумную Силу, которая с легкостью нарушает выдуманные ими законы и они будут выдумывать фанта-

стические гипотезы о "темной" материи, которая невидима и наполняя Вселенную видимую в соотношении 1 к 5-ти, сдерживает Галактики на их "неправильных" орбитах. На каждый килограмм видимой, пять невидимой, а значит "темной". В Солнечной системе планеты вращаются правильно, не нарушая законов динамики – с разной скоростью перемещаясь по своим орбитам, а галактики вращаются с одинаковой, независимо от диаметра орбит. Эту загадку они решат, выдумав "темную" материю. А затем "черные" дыры, которых тоже нет, но гипотетически без них во Вселенной не обойтись. Разлетится в разные стороны. Они напишут сотни диссертаций, назвав их "теориями" и получат сотни премий за них. Наука станет научной фантастикой, оформленной фразеологическими изысками заумными и математической терминологией сведенная в культ для посвященных. Но эти "посвященные", не смогут при этом ответить на простейший вопрос школьника, который уже изучает "ИХ" физику. Почему Вселенная, наполненная этой материей "темной", ее сдерживающей, делает исключение для планет? И не потому ли и понадобились "темные дыры", чтобы не отвечать на этот вопрос? Назвав невидимое, не поддающееся никаким измерениям и экспериментально не обнаруженное ими "темным", они сведут к этому термину весь путь проделанный псевдонаукой за всю историю Человечества. Они будут строить адронные коллайдеры, чтобы доказать свою правоту, зафиксировав экспериментально этим инструментом свои бредовые фантазии.

Вобьют в них ресурсы Человечества, повесив ЕМУ на шею содержание, обслуживание, финансирование и возведение этих "вавилонских башен". И получают все, что просят у ЭТОГО "Человечества", потому что ему – ставшему ЧМО, Разумная Сила во Вселенной не нужна. Ему – ЧМО нужна Сила "Темная", которая пусть и невидима ПОКА, но всего лишь величина физическая, а значит ее можно ПОКОРИТЬ – УЗНАТЬ, ПОНЯТЬ, ИСПОЛЬЗОВАТЬ. И тогда БОГ не нужен. Ему не останется места в "ВЫСОКОЙ" физике. Люди тогда сами станут БОГАМИ. Осталась сушая мелочь – обнаружить эту "темную" материю. "ВЗЯТЬ ЕЕ" в "ежовые рукавицы". Признать свою неправоту псевдоученые уже не способны. Они стали заложниками своих бредовых идей, которые так щедро профинансированы ЧМО. Отвечать за израсходованные средства не хочется, и выдумываются новые, еще более фантастические теории и проекты, которые следует финансировать. Денег всегда мало!!! Круг замкнулся? Не-е-е-т!!! Этот круг бесконечен. По нему могут бежать еще сотни поколений с академическими бородами и без, собирая громкие титулы, звания и щедрые чаевые. И они не отдадут их добровольно, не сложат с себя покаянно звания лауреатов всяческих, трескучих премий. Они ощущают себя на Олимпе, а всех остальных людей рассматривают, как рабочую силу, призванную обеспечить их фундаментальные исследования, а заодно и роскошью обеспечить. За лбы. ЗА ЧТО ЖЕ ИМ ПЛАТЯТ И КТО? Платят за конечный результат, которого пока нет. А вот на вторую половину вопроса ответить гораздо сложнее. Можно конечно покопаться в информационных потоках и проследить источники финансирования таких проектов как адронный коллайдер и увидеть, что решения принимались на самых высоких государственных уровнях. Можно выйти и на Заказчиков, и на Подрядчиков. Выйти и не понять, почему Правительства с легкостью необыкновенной выбрасывают на такие проекты десятки миллиардов, в то время как "жмотничают" на науку прикладную, способную решать проблемы насущные, острые. Когда ежедневно на Земле люди умирают с голоду. Сотнями тысяч. Что заставляет Власть предрержащих так щедро сыпать в эту бездонную яму финансы? Любознательность? Думают о перспективе? Нет. Ответ прост. Вырвав кусок хлеба изо рта умирающего от голода, они тратят стоимость таких миллиардов кусков на то, чтобы получить еще большую ВЛАСТЬ. Не на Земле, а во Вселенной. Вот о какой ПЕРСПЕКТИВЕ они мечтают и для этого не жалеют средств. ЦЕЛЬ оправдывает СРЕДСТВА. Поэтому вторая половина вопроса, плавно вернулась к первой. А может они правы? И им удастся "Ухватить Бога за бороду"? Тем более, что при этом будет доказано, что ЕГО и нет вовсе. Разве плохо, если ЧЕЛОВЕК станет БОГОМ? Вопросы эти скорее этически-морального свойства, и тут можно спорить до посинения на вечные темы "Что такое хорошо и что такое

плохо? Что есть добро и зло?". Спорить бессмысленно. В спорах этих никогда не рождалась ИСТИНА, вопреки расхожему утверждению. ИСТИНА уже есть, зачем ей рождаться в глупых спорах? В спорах таких рождается только НЕПРИЯЗНЬ. И все же хорошо или плохо? Если ЧЕЛОВЕЧЕСТВО станет коллективным БОГОМ? Такое вот ЧМО? Не дай БОГ. Всю гадость, которую это ЧМО культивирует на Земле, оно вытащит в космос. Размажет дерьмо по всему небу. Это если псевдоученые окажутся правы. Но они не окажутся правы. Они еще долго будут морочить всем головы и вырывать куски хлеба из голодных ртов, но наступит момент, когда им перестанут верить и ВЛАСТЬ ПРЕДЕРЖАЩИЕ, потребовав отчет о проделанной работе. Коэффициент полезный, от которой равен не просто нулю, а минусовому числу со столькими нулями, что даже им станет не по себе. А услышат в ответ, новые предложения. Профинансировать проект еще грандиознее предыдущих. Коллайдер не 25-ти километровый, а диаметром посолоннее, по экватору, например. Appetit приходит во время еды. Если им позволить осуществить и этот проект, заморив половина людей голодом, то не получив опять нужный результат они могут предложить проект еще грандиознее – вывести строительство Коллайдера очередного в космос. Там-то места побольше и диаметры грандиознее можно планировать. Но даже если и это им позволить, выкачав все ресурсы из Земли и саму Землю всунуть в этот Коллайдер в качестве "кирпича", то и тогда результата ожидаемого не будет. Результата не будет, но телодвижения к нему не прекратятся до скончания веков. Иначе это "ЧЕЛОВЕЧЕСТВО" – ЧМО обречено на бессмысленность. И как всякая тоталитарная система, эта станет душить всякое противодействие. В результате появится ГОМОСАПИЕНС – ЧМО. Ожидающий, когда его сделают БОГОМ. Живущий для этого. И когда последний ЧЕЛОВЕК сомневающийся, страдающий, грешащий, но кающийся – умрет, то вместе с ним умрет и истинное ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. И тогда поскачут кони бледные и вороные, станет вода мертвой, а рты ненасытными. Тогда день станет как час, а год как день и сбудутся пророчества АПОКАЛИПСИСА. Явится ЗВЕРЬ. Но ЗВЕРЬ – это не конкретная Личность – это коллективный образ ЧМО.

У этого коллективного ЧМО будет ЛИДЕР. Вот он то и назван в пророчестве Иоанна Богослова Антихристом. А примут его Античеловеки.

Михаил "присматривал" за Хрюкиным, который, то "выпадал" из виду на годы, то снова появлялся и как верно он предположил, оказался не честолюбив. Уцепившись за почти однофамильца, он "воевал" под его командованием и даже получил к концу войны пару орденов. В звании так же подрос до майора и в этом качестве ушел в запас из вооруженных сил в 1946-ом году. А еще пару лет спустя пропал, ударившись в бега от следователей НКВД, раскручивающих знаменитое "трофейное" дело, в котором в качестве фигурантов числился и бывший его начальник – генерал-майор Дрюкин. "Хвосты" оказались настолько длинными, что Хрюкину, очевидно, пришлось сменить свои позывные, чтобы уйти от карающей длани Закона. Отдав распоряжение "Троянам" прочесывать город Ленинград и Ленинградскую область, Михаил на какое-то время и вовсе забыл о нем, занятый другими проблемами. Время шло, в веке 19-ом отстраивалась сгоревшая Москва, а в веке 21-ом наступил также год 2012-ый и принес с собой массу забот. Страна вступала в очередную фазу "ПРИВАТИЗАЦИИ". В заключительную. Информация, поступающая от группы Васькиной и ее анализ, показывала, что до полной передачи "Реального сектора экономики" Мировой Экономической Системе, остались считанные дни. Правительство РФ все для этого сделало и осталось только объявить очередной дефолт. Для обеспечения Гарантий будущим собственникам, что все пройдет без активных всплесков сопротивления со стороны населения России, Правительством было принято несколько Законов.

О Реформировании армии, который сводился практически к ее ликвидации и Закон №99-ФЗ, на основании которого в страну могли быть, по инициативе Правительства, приглашены силы НАТО. В качестве миротворцев разумеется.

Очередной дефолт, от дефолта 1998-го года предполагалось устроить настолько грандиозный, что тогдашнее падение рубля 1 к 5-ти по отношению к доллару, выглядело по сравнению с падением запланированным совершенно ничтожным. Страну попросту собирались обрушить в очередную пропасть, финансовую яму. На столько бездонную, что на дне ее этот рубль разглядеть было просто невозможно. И если в 1998-ом году дефолт -/неплатежеспособность страны/ был объявлен при внешнем долге России 158 – ем миллиардов долларов и задолженности по выплатам пары десятков миллиардов, то проведя "генеральную репетицию" и убедившись что население реагирует вяло, как стадо баранов идущее на бойню, МЭС заключительную фазу "ПРИВАТИЗАЦИИ" решило провести, выстроив финансовую пирамиду с суммами гораздо большими. Внешний долг России по состоянию на апрель 2012-го года составил 565-миллиардов долларов, а задолженность по выплатам его перевалила за сотню. Информация эта была в свободном доступе, а следовательно была занижена, чтобы не всполошить наиболее сообразительных аборигенов. Фактически же Россия задолжала уже ОДИН ТРИЛЛИОН ШЕСТЬСОТ МИЛЛИАРДОВ и продолжала увеличивать эту сумму ежегодно на двести сорок миллиардов только за счет набегавших процентов. Плюс "Реальный сектор экономики" и Банки продолжали брать кредиты на Западе. Только в 20**– ом с начала года они получили 17-ть миллиардов на свои счета. И им охотно давали. Грандиозная афера шла к завершению, и год 20** очевидно должен был стать ключевым. Иск Россия от кредиторов должна была получить в следующем году и расплатиться по своим долгам, своей территорией. Вернее ее недрами. Теряя окончательно "Реальный сектор экономики". Полученные кредиты шли не на развитие страны, а направлялись на кредитование стран участниц Парижского Клуба Кредиторов. Россия вступила в этот Клуб и теперь имела право это делать. И воспользовалась в полной мере этим своим правом, "простив" ее членам 45-ть миллиардов при вступлении и став самым крупным кредитором в этом клубе. Банки российские одной рукой брали под 15-ть процентов, а другой тут же давали под 10-ть. Идея была гениальна по своей простоте. Долг по кредитам навешивался на Россию, а вот давали в долг уже от коммерческих структур. Таким образом страна, как Гарант должна была ответить по обязательствам и ничего не получить из "утекшего" капитала. Готовился окончательный раздел страны. Это позволило бы Мировой Экономической Системе преодолеть наконец-то затянувшийся мировой экономический кризис и получить в свое распоряжение огромную территорию, призванную стать рынком сбыта на пару лет для Военно-промышленных комплексов всех стран Евросоюза. Ну и для США разумеется. По сути Мировая Экономическая Система приняла решение, что войну холодную 3-ю Мировую пора перевести в горячую стадию. Враг деморализован, вооруженные силы его не способны оказать сопротивление даже на тот период, пока идет мобилизация. Ну а Закон №99-ФЗ, позволял ввести в страну Вооруженные силы Альянса на "законном основании". Разумеется, что очаги сопротивления будут спонтанно возникать, но они будут незначительны и у будущих Хозяев уже заранее дух захватывало от перспектив открывающихся. Выселить аборигенов в количестве сотни миллионов вообще не проблема. Половина разбежится сама, вторая вымрет. Чтобы этот процесс ускорить, решено было не вмешиваться в межэтнические конфликты, которые неминуемо должны были возникнуть на всем пространстве бывшей России. Население, не ощущающее себя СОБСТВЕННИКОМ И НАРОДОМ должно было само себя уничтожить, избавив от этой грязной работы СИЛЫ МИРОТВОРЦЕВ. Операция готовилась основательно, и в нее было вложено столько сил и средств, что Михаил глазам своим не верил, когда группа аналитическая докладывала ему, что все последние события в мире за истекшее десятилетие – всего лишь ПРЕЛЮДИЯ к этой операции. Сигналом к началу операции, которую в пору было назвать "ПЛАН БАРБАРОССА-II", должно было послужить резкое падение цен на нефть на мировом рынке. Они должны были упасть на столько низко, что Россия мгновенно превращалась в страну банкрота, в глазах собственного населения. То, что эта страна и без этого спектакля – БАНКРОТ МЭС уже давно знало. Осталось расставить точки над "Г".

Доложив о создавшейся ситуации на очередном собрании "концессионеров", Михаил зачитал прогнозы аналитической группы и были они настолько мрачными, что все присутствующие отреагировали на них соответствующим образом. В воздухе повисла пауза. Пауза растерянности и недоумения.

– Предотвратить интервенцию возможно?– тихо спросил Академик.

– Мы не сможем двумя танками, даже такими продвинутыми, заменить ликвидированную армию,– возразил ему Михаил.– Нет, интервенцию мы остановить не сможем.

– А если оплатить задолженности России?– предложил Петр Павлович.

– Как ты это себе представляешь? Боюсь, что такой механизм не предусмотрен. Агрессорам не нужны деньги, им нужны ресурсы. Ну а если даже допустить такой вариант возможным, то мы попросту оплатим воровство и позволим начать новый виток, но уже более грандиозный. Выложить нужно будет несколько триллионов в валюте или золоте. Таким образом население может спокойно "хрюкать" дальше в своих сараях, а у власти останутся воры. Или ты предлагаешь совершить переворот? В этом случае, нам придется воевать не с НАТО двумя танками, а с собственным народом. Который ни черта не будет понимать. И для него нас выставят группой террористов. Ну а то, что эта группа предварительно долги оплатила, народу можно и не говорить. Если же не оплатим, то получим еще и интервенцию. Куда ни кинь, всюду клин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.